

I. G. SPASSKII

ON THE TRACK
OF A RARE COIN

“Sovietskii khudojnik”
Leningrad • 1964 • Moscow

И. Г. СПАССКИЙ

ПО СЛЕДАМ
ОДНОЙ РЕДКОЙ
МОНЕТЫ

Издательство „Советский художник“
Ленинград • 1964 • Москва

Ни одна старинная русская монета не пользуется такой известностью, как рубль небывалого императора Константина Павловича. Появление этого нумизматического курьёза в декабре 1825 г. находилось в определенной связи с потрясшим общественное сознание первым выступлением русских революционеров против царизма. До смерти Николая I все, касающееся этой анекдотической монеты, считалось строжайшей тайной, и именно поэтому она породила множество фантастических измышлений, которые и хлынули в литературу 1860—1870-х гг.

Немногие серьезные публикации конца XIX в. оказались бессильными против „литературной традиции“: все новые статьи и брошюры продолжали разрабатывать заманчивую тему, перемешивая правду со старыми и новейшими вымыслами. А уже в наше время константиновский рубль стал достоянием художественной литературы. Не раз переиздававшийся

исторический роман напомнил тысячам читателей об этой странной монете¹.

Довольно хорошо известен рубль Константина и за границей, куда в разное время ушло несколько экземпляров, время от времени появлявшихся со все более высокой оценкой на аукционах. Упоминания о редкой русской монете с довольно-таки фантастическими комментариями появляются в американских изданиях.

Познавательное значение этой поздней монеты, а точнее проекта монеты, не так уж велико, но для истории нумизматики и собирательства в России рубль Константина остается довольно любопытным эпизодом. Редкостный разницей в литературе о нем и живучесть совершенно фантастических представлений делают полезным трезвый и тщательный пересмотр имеющихся сведений. Есть и более важная причина заняться именно теперь константиновским рублем. Многие годы в нашей стране были известны только два подлинных экземпляра, да еще единственный экземпляр так называемого „рубля Трубецкого“ — монеты поддельной, но не менее редкой, чем подлинные, и к тому же прочно вплетенной в рассматриваемую нами историю. Но недавно появился еще один константиновский рубль; чеканка его под-

¹ „Швырнув серебряный целковый с изображением императора Константина извозчику, отставной штаб-ротмистр Каховский вошел к Кондратию Федоровичу Рылееву. ...Каховский вынул серебряный целковый с изображением Николая Павловича и сказал: Сегодня последний константиновский рубль отдал, а вот тебе и новая чеканка. Обоим нужно пробить черепа и начать революцию“. А. К. Виноградов. Три цвета времени. Изд. 2, М., 1933, гл. 31. В новейшем издании (Избранные произведения, т. 1, М., 1960) слова „с изображением императора Константина“ отсутствуют, но „последний константиновский рубль“ остался. Никак не мог Каховский расплачиваться монетой, которая никогда не была в обращении, а рубль с портретом Николая — уже и вовсе небылица!

линными штемпелями не вызывает сомнений. Новый, ранее никому не известный экземпляр рождает ряд вопросов, на которые не так просто ответить. Чтобы побудить его рассказать о себе, нужно обратиться и ко всем остальным. При этом придется, пожалуй, больше говорить о людях, чем о самих монетах.

На монетных дворах всего мира постоянно ведется опытная работа, по большей части остающаяся неизвестной потребителям обычной, общеизвестной продукции — ходячей монеты. Изменяются вкусы и привычки, политическая обстановка, технические и экономические условия производства; поиски соответствия им и оставляют след в виде неосуществленных проектов — не выпущенных для обращения монет. До нас дошло немало таких законченных, но оставшихся „мертвыми“ опытных образцов. Некоторые из них хорошо известны благодаря так называемым „новоделам“: с конца XVIII в. по 1890 г. Монетному двору разрешалось принимать заказы на изготовление сохранившимися штемпелями оттисков старых монет и медалей для любительских коллекций¹. Но рубль Константина — такую же пробную монету, не вышедшую в обращение, — это миновало, так как его штемпели после 1825 г. были недоступны.

Фактическая история пробного рубля междуцарствия 1825 г. в самом сжатом виде сводится к следующему: в 1801 г. очередной дворцовый переворот заменил убитого императора Павла его старшим сыном — Александром I. Наследником престола стал второй сын, Константин. Александр, брак которого был бездетным, умер в ноябре 1825 г. в Таганроге, вдали от столицы. Никто не сомневался, что престол займет Константин, хотя развод с женой-принцессой

¹ В 1890 г. изготовление новоделов, очень мешающих научным целям нумизматики, было запрещено законом.

и женитьба его на графине Грудзинской, не принадлежавшей к владетельному роду, несколько усложняли его положение. Но он уже не был наследником. Только царица-мать и еще несколько человек знали, что Константин отказался от прав на престол в 1819 г. Акт его отречения, отредактированный самим Александром в 1822 г., соответствующего содержания письмо к матери и манифест Александра 1823 г., назначавший наследником третьего брата — Николая, хранились в секретном пакете, распечатать который надлежало после смерти Александра. Скрытность царя имела далеко идущие последствия.

Константин, с 1815 г. живший почти безвыездно в Варшаве, узнал о смерти брата раньше, чем весть дошла до Петербурга. Едва ли Николай, находившийся в столице, не знал, что его ожидает, но 27 ноября, через час после приезда курьера из Таганрога, он принял присягу Константину, а еще часом позже в Государственном совете был вскрыт пакет с манифестом 1823 г.; вскоре прискакал из Варшавы младший брат — великий князь Михаил, подтвердивший категорический отказ Константина от престола. Между тем ему присягали столица, Москва и вся огромная страна. В книжных лавках продавались портреты императора Константина, правительство действовало от его имени. Напряженная обстановка растерянности и страха овладевала дворцом. Константин богом молили приехать в Петербург, чтобы лично подтвердить отречение, он наотрез отказывался; в уговорах и бесплодной переписке через бесчисленных курьеров уходили дни.

Напряжение достигло предела, когда 12 декабря Николай прочитал пересланные к нему из Таганрога документы о раскрытом в армии революционном заговоре и готовящемся восстании... Оно прогремело в Петербурге 14 декабря — в день, назначенный, на-

Император Константин. Односторонний медальон 1825 г. раб. Э. Морела.

Emperor Constantine. Unilateral medallion of 1825.
Executed by E. Morell

конец, Николаем для „переприсяги“. Новое царствование началось кровопролитием и казнями. Константин не участвовал в погребении Александра и не был приглашен на происходившую в следующем году в Москве коронацию Николая; самовольный приезд бывшего наследника сильно испортил праздник.

В двухнедельный период после 27 ноября, когда Петербург узнал о смерти царя, и до 12 декабря, когда решение о „переприсяге“ было окончательно принято,

на Петербургском монетном дворе были начаты работы по изготовлению пробного образца новой рублевой монеты, хотя никакой безотлагательной необходимости в этом не было. Последнее обстоятельство часто упускалось из виду авторами, обращавшимися к истории рубля 1825 г.

Со времени Петра I и до последнего года правления Екатерины II на всех русских золотых монетах и на крупных (полноценных) серебряных, а в большинстве правлений и на разменных, помещались портрет, имя и титул императора или императрицы. На медной монете за немногими исключениями тоже обозначалась ее принадлежность определенному правлению; например, на монетах Елизаветы Петровны и Екатерины II находились их инициалы в виде вензелей.

Павел I заметно изменил облик золотой и крупной серебряной монеты, не отказавшись, впрочем, от основного принципа ее оформления: то ли не обольщаясь своей внешностью, то ли по какой-то другой причине он запретил помещать свой портрет. Его место заняла монограмма, составленная из четырех букв П, расположенных крестом, подобно тому, как прежде ею же был заменен государственный герб на поздних монетах Петра I и на рублях Петра II. На мелких серебряных и на медных монетах Павла помещалась одна буква П. Таким образом, несмотря на отсутствие портрета, монеты по-прежнему „приписывались“ правителю. (Встречающиеся в коллекциях портретные рубли Павла — „новодельные“, т. е. позднейшей чеканки штемпелями, в свое время не получившими утверждения ¹).

¹ Особенно часто встречаются портретные рублевники Павла I, имеющие более или менее заметную линзовидную форму. Их чеканили незакаленными штемпелями, которые быстро деформировались.

Рубли 1825 г. (Александра I)
и 1826 г. (Николая I).

Roubles of Alexander I (1825)
and Nicholas I (1826)

Александр I пошел дальше Павла: при нем вся русская монета законченно получила характер государственной без каких бы то ни было признаков ее принадлежности правителю. Этот новый взгляд на монету отразился в надписи, которая в течение первого десятилетия XIX в. находилась на одной из сторон всех золотых и полноценных серебряных номиналов — „государственная российская монета“. И после 1810 г., когда эту надпись заменила другая, монета оставалась „безликой“ и сохраняла свой чисто государственный характер. При Александре медальеры Петербургского монетного двора затратили немало стараний на изготовление различных образцов портретных монет, но никакого успеха не достигли: все пробы отвергались царем. Поэтому-то в 1825 г., после смерти Александра I, и не было никакой необходимости в изменениях. Монетный двор мог продолжать выпуск монет существовавшего типа как ни в чем не бывало — и так и поступал в дальнейшем.

Можно понять надежды, порожденные у медальеров Монетного двора сменой правителя: работа над портретом всегда влекла их. Но и на этот раз их расчеты не оправдались. Монета оставалась „безликой“ до 1886 г., когда на ней снова появилось изображение императора. (Вензель правителя вернулся на медную монету всех номиналов в 1839 г., а с 1849 г. оставался на копейке, денежке и полушке и с 1867 г. до конца монархии — на монетах в $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ копейки).

Хотя ни один вполне законченный экземпляр константиновского рубля не известен, вполне очевидно, что у министра финансов Е. Ф. Канкрин (1776—1845) было намерение возвратиться к оставленному в 1797 г. типу монеты с портретом, именем и титулом главы государства и именно такие, безупречного вида и отделки монеты в наборе всех номиналов представить в подходящий момент на рассмотрение нового царя. Однако после 12—14 декабря продолжение работы стало бессмысленным, а вся затея неожиданно-негаданно приобрела довольно неприятный характер для ее инициаторов. Император Константин оказался недоразумением. Как показывают сохранившиеся документы, к 19 декабря на Монетном дворе была закончена „зачистка“, не оставившая никаких следов работы над пробной монетой.

Свидетельством неоправдавшихся замыслов Канкрин служат дошедшие до нас проектные рисунки обеих сторон нового рубля, три пары штемпелей, около двух десятков штемпельных оттисков на олове¹

¹ Медальер работал над штемпелем, углубляясь в металл там, где на монете должен быть рельеф, и оставляя выпуклости, где предусматривались углубления. Чтобы проверить себя, гравёр время от времени выливал на верстак лужицу сплава (олово и свинец в равных долях) и ставил на нее штемпель. Металл застывал в форме; получался четкий позитивный оттиск всего, что уже было вырезано.

Дури себѣ же представляются въ лицахъ
 своихъ известныя минеральныя въ 19^м
 съоближити работати за казенною пе-
 ринбю Монетнаго двора -

Рапортъ Еллерса

19 Декабря 1825

Этотъ докладъ и прочія приложенія
 не только и по сему приговоренныя
 въ казенныя работы и въ казенныя
 Ма. Монетнаго двора и въ казенныя
 работы: еще разъ и еще приказы.

Е. Карнеев

20. декабря.
 1825.

Рапорт вардейна Монет-
 ного двора Е. И. Еллерса
 от 19 декабря 1825 г. и
 записка директора Де-
 партамента горных и со-
 ляных дел Е. В. Карнеева
 от 20 декабря 1825 г.

Report of E. Ellers the
 Chief of the St Petersburg
 Mint from the 19th of
 December 1825 and me-
 morandum of E. V. Kar-
 neev the Director of the
 Department of Mining
 and Salt Industries from
 the 20th of December 1825

Проектные рисунки для рубля Константина.

Drawings for Constantine rouble

и, наконец, несколько монет — проб в серебре. Весь этот комплекс стал известен только к 1917 г., а после 1825 г. прошло более 30 лет, прежде чем был опубликован первый и в течение еще 20 лет остававшийся единственным экземпляром константиновского рубля.

Проектные рисунки рубля Константина, поступившие в Эрмитаж из Министерства финансов вместе с 17 оловянными слепками только в 1917 г., до настоящего времени не были опубликованы.¹ Они вычерчены на двух листиках пергамена. Рисунок лицевой стороны выполнен в тушевке, но не закончен, так как на нем оставлено место для даты и цифры не нарисованы. Другая сторона выполнена графически и не соответствует окончательному решению композиции: слово „рубль“ (с твердым знаком) находится в верхней части круговой надписи, тогда как на мо-

¹ Сохранились редкие комплекты таблиц, подготовленных в 1917 г. С. Н. Смирновым для книги о константиновском рубле, которую ему так и не удалось выпустить. Проектные рисунки воспроизведены на одной из таблиц. Там же — воспроизведенные выше документы (стр. 13).

нете оно помещено (в правильном написании) внизу.

Отсутствие даты на оставленном для нее месте не стоит объяснять тем, что Министерство финансов за годя готовилось к смерти Александра¹. Смена монетного типа, неизбежно распространявшаяся и на другие номиналы монет (серебряные полтина и четвертак, все золотые монеты), вместе с законодательным ее оформлением и рассылкой по всей стране печатного манифеста с изображениями всех новых монет могла потребовать даже и не одного года.

Медальеры трудились над штемпелями рубля Константина в дни подготовки декабрьского восстания 1825 г. Под гром пушек и свист картечи на Сенатской площади 14 декабря рушился величественный замысел дворянских революционеров — и потерпел полную неудачу маленький угоднический расчет чиновников, мечтавших отличиться перед предполагаемым новым императором... Затея их обернулась совсем не так, как думалось: в течение многих лет любое упоминание об императоре Константине было упоминанием веревки в доме повешенного. Только после смерти Николая I стало возможным заговорить о Константине и его курьезной монете, да и то вполголоса и с оглядкой.

В 20-х гг. XIX в. Петербургский монетный двор имел отличное для того времени оснащение. К выпускавшейся для обращения монете предъявлялись весьма высокие требования. Но все пробные монеты

¹ Именно так объяснил появление константиновских рублей автор одной брошюры, пытавшийся свести концы с концами в несуразных сообщениях старой литературы. По его уверениям, штемпели 1825 г. были изготовлены „на всякий случай“ еще при жизни Александра I ! См. И. К. Антошевский. Константиновский рубль 1825 г. СПб., 1904; рец.— „Исторический вестник“, май 1904, стр. 696—697. Этой же точки зрения придерживался и Н. Пылаев. (Рубль не царствовавшего царя. „Советский коллекционер“, декабрь 1926, стр. 6—7).

Министр финансов Е. Ф. Канкрин.
E. F. Kankrin, Minister for Finance

1825 г. отчеканены на неналаженном прессе и потому имеют дефекты, вполне очевидные для сколько-нибудь наметанного глаза. Это наспех оттиснутые кружки, но никак не законченные и доведенные до полного совершенства пробы, которые не стыдно было бы показать и императору. Одна из монет — именно та, которая долго оставалась единственной известной, была отчеканена даже без совершенно обязательного в те времена гуртильного кольца, выдавливавшего надпись или узор на кромке. Остальные имеют очень слабый оттиск того же кольца, которым обжималась вся рублевая монета 1820-х гг.

Приметой всех проб 1825 г., на которую следует обратить внимание, служит необычная для русских монет постановка штемпелей в машине: с петровского времени, когда началась чеканка сопряженными штемпелями, они, как правило, крепились в прессе в прямом соотношении ($\uparrow \uparrow$). Чтобы взглянуть на другую сторону такой монеты, ее нужно переверачивать в горизонтальном направлении. Для всего XIX в. такое соотношение штемпелей было уже непеременимым правилом. Но константиновские рубли 1825 г. отчеканены при соотношении противоположном ($\uparrow \downarrow$), при котором кружок нужно переверачивать в вертикальном направлении. Вполне понятно, что при издании монет эта особенность, если она особо не оговорена, остается незаметной.

Автором неподписанных проектных рисунков обеих сторон монеты был Я. Я. Рейхель (1780—1856), давно признаваемый и основным исполнителем штемпелей. Это делается очевидным при сравнении константиновского рубля 1825 г. и так называемого „рейхелевского рубля“ — изготовленного в 1827 г. пробного портретного рубля, тоже не получившего воплощения в монетной чеканке. Николай I забраковал его еще до закалки штемпелей, по оловянным

оттискам. Композиционное решение обеих пробных монет — 1825 и 1827 гг. — говорит об одном авторе¹.

Литерные и цифирные пунсоны, примененные при изготовлении штемпелей константиновского рубля, опознаются на обычных рублях 1825—1826 гг. Объем работы, выполненной за столь короткий срок на Монаршем дворе, показывает, что она должна была начаться без проволочек вскоре после 27 ноября и что у Рейхеля были помощники. По словам специалистов-граверов, требуется 7—10 дней усидчивого труда, чтобы вырезать вручную один штемпель подобной сложности; между тем была полностью закончена и закалена пара штемпелей, вторая — близка к завершению и начата третья. В каком бы порядке ни велась работа над ними, одному человеку она была не по силам.

Рейхель был страстным коллекционером. Начав собирать монеты около 1820 г., к 30-м гг. XIX в. он стал признанным лидером петербургских нумизматов-любителей; в 1840-х гг. он был одним из инициаторов организации Петербургского археолого-нумизматического общества. Рейхелю принадлежала коллекция, во многих разделах не уступавшая эрмитаж-

¹ В 1879 г. по ходатайству принадлежавшего к императорской семье юного коллекционера великого князя Георгия Михайловича, к деятельности которого мы еще вернемся, рейхелевские штемпели закалили и отчеканили несколько новоделов. См. в кн. Георгий Михайлович. Монеты царствования имп. Николая I. СПб., 1890, № 22, табл. II, № 8; Архив Эрмитажа, ф. I, оп. 5, № 8, 1879, л. 14. Говорят, что Николай был очень раздражен проектом Рейхеля, так как изображенная на слепке голова показалась ему отрубленной. Может быть, доля истины в этой легенде и есть: на всех позднейших монетных портретах Николая шея затейливо обрезана с частью груди — на манер античного бюста. (Так называемый «семейный рубль» 1835 и 1836 гг. — не предназначавшийся для обращения полторарублевый кружок с портретами всех членов императорской семьи, пробный империл 1836 г. и пробные рубль и полтина 1845 г. работы Рейхеля).

Рубль Константина 1825 г. и „рейхелевский рубль“ Николая I 1827 г.

Constantine rouble of 1825 and „Reichel rouble“ of Nicholas I, 1827

ной. К 1825 г. Рейхель уже несколько лет был техническим руководителем Экспедиции заготовления государственных бумаг (т. е. типографии, печатавшей ассигнации) в Петербурге, но продолжал числиться и медальером Петербургского монетного двора, на котором начинал свою службу после переезда из Варшавы. Со своим высшим начальством, министром

Я. Я. Рейхель. Медаль 1851 г. раб. Х. К. Пфейфера.

J. J. Reichel. Medal of 1851. Executed by H. C. Pfeifer

финансов Е. Ф. Канкриным, Рейхель находился в дружеских отношениях, и Канкрин, не будучи собирателем, сочувственно смотрел на нумизматические увлечения своего приятеля¹.

Мог ли автор монеты и страстный собиратель не позаботиться о своей коллекции? Не так уж важно, когда монета оказалась в руках Рейхеля — до того, как выяснился ее одиозный характер, или после, когда стало ясно, что этой пробе предстоит стать редкостью самого высокого класса... Раз уж монета попала к нему, ничего не оставалось как хранить ее в строгой тайне. Разумеется, рубль Константина не мог быть упомянут в обзоре рейхелевской коллекции, опубликованном еще в 1835 г. В Эрмитаже находится авторский экземпляр выпущенного в 1847 г.

¹ В. К ö h n e. Jakob von Reichel. „Zeitschrift für Münz — Siegel und Wappenkunde“. Neue Folge, Bd. I, Berlin, 1859, S. 1, 24.

каталога русской коллекции Рейхеля¹ с многочисленными приписками на вклеенных чистых листах, но „секретного“ рубля и там, конечно, нет.

К началу 1850-х гг. материальное положение Я. Я. Рейхеля пошатнулось, и ему пришлось расстаться со своим огромным собранием русских монет, которое купил Эрмитаж — без рубля Константина. В 1856 г. Рейхель умер.

До 1857 г. ни в литературе, русской и иностранной, ни в воспоминаниях, переписке, дневниках и любых других записях петербургских нумизматов не встречается никаких намеков на существование таинственного рубля, отчеканенного в 1825 г. О нем не подозревали ни Г. И. Лисенко, каталог которого является своеобразной хроникой нумизматики в Петербурге 20—40-х гг. XIX в., ни С. А. Еремеев — автор дважды опубликованных, в 1841 и в 1849 г., „Материалов для истории русской нумизматики“, хотя оба общались с упоминаемыми ниже главными действующими лицами — Я. Я. Рейхелем, Ф. Ф. Шубертом и другими². Однако далее мы увидим, что и до 1857 г., еще при жизни Рейхеля и даже Е. Ф. Канкрин, умершего в 1845 г., кое-какие, сугубо доверительные, разговоры о константиновском рубле велись в кругу великосветских собирателей Петербурга.

Окруженный в течение полустолетия тайной, на страже которой стояла и цензура, рубль Константина был опубликован впервые в 1857 г. одновременно в двух заграничных изданиях каталога русской

¹ „Санктпетербургские ведомости“, № 260, 14 ноября 1835 г., стр. 1043; Die Reichelsche Münzsammlung in St. Petersburg, Bd. I, 1842, (разрешение цензуры датировано 1847 г.).

² См. И. Г. Спасский. Очерки по истории русской нумизматики. Нумизматический сборник, т. I (Труды Гос. Исторического музея, вып. XXV). М., 1955.

Ф. Ф. Шуберт. Гравюра К. Кастелли.

T. Shubert. Engraving by K. Kastelli

коллекции Ф. Ф. Шуберта, как принадлежащий ему уникам. Это был экземпляр без гуртовой надписи.

Известный ученый, геодезист и топограф, возглавлявший Картографическое депо Главного штаба, почетный член Академии наук генерал Ф. Ф. Шуберт

(1789—1865) был и видным нумизматом, унаследовав интерес к монетам от отца, академика Ф. И. Шуберта (1758—1825)¹. В кругу собирателей Петербурга Ф. Ф. Шуберт пользовался большим уважением. Еще в 1840 г. он выпустил первый том иллюстрированного каталога своей коллекции, содержащий только монеты допетровского времени, но не стал продолжать это издание и переключился на подготовку зарубежных публикаций. Как знаток монет он уступал Рейхелю, с которым был дружен, и иногда попадался на удочку фальсификаторов древних монет. После того как рейхелевская коллекция перешла к Эрмитажу, коллекция Шуберта считалась одним из лучших частных собраний Петербурга. В упоминавшейся выше статье „Санктпетербургских ведомостей“ рассматривались и ее редкости².

Рубль Константина был главной сенсацией шубертовского каталога 1857 г. „Пробный рубль, отправленный в Варшаву с делегацией Сената для представления на утверждение Константину Павловичу; штемпели были разбиты непосредственно после этого“, — было сказано в одном издании³. „Пробная монета, поднесенная великому князю Константину в Варшаве в промежуток времени между смертью Александра I и 14 декабря“, — во втором⁴.

¹ Ф. И. Шуберт с 1800 по 1819 г. был хранителем Минцкабинета Академии наук.

² „Санктпетербургские ведомости“, № 261, 1835, стр. 1047—1049.

³ T. F. de Schubert. Catalogue du cabinet de monnaies et de médailles russes. I partie. Carlsruhe, 1857, n. 3805. Аутентичное издание с несколько измененным названием было выпущено в следующем году в Лейпциге: Monnaies et médailles russes d'après l'état donné par le cabinet du general d'infanterie T. F. de Schubert. I partie. Leipzig, 1858.

⁴ F. de Schubert. Monnaies russes des dernières trois siècles depuis le czar Ioann Wasilieviz Grosnyi, jusqu'à l'empereur Alexandre II, 1547—1855. Avec une atlas. Leipzig, 1857, n. 680.

Рубль 1825 г. действительно был пробной монетой, предлагавшейся для замены существовавшего ранее типа. Но как поверить, что явно незаконченную монету, даже без гуртовой надписи, могли поднести как образец новому императору? Да и что за необходимость была в такой спешке — точно кто-нибудь мог опередить в этом Монетный двор! Тело прежнего царя еще не только не было погребено, но не привезено в столицу, а „депутация Сената“ не находит более важных дел, как показывать наследнику образцы его будущих монет!

Курьезная монета изданий 1857 г. вызвала к себе вполне понятный интерес не только среди собирателей, но и в великосветском обществе, никогда не устававшем обсуждать новости, касавшиеся двора и императорской фамилии. Счастливицы могли увидеть оригинал монеты, другие — изображение в альбоме и вскоре появившиеся гальванопластические копии, которые тогда были в большой моде. Известно, что и сам Шуберт увлекался гальванопластикой¹ и даже таблицы для его лейпцигского атласа были первым опытом конгревной печати с клише, изготовленных гальванопластическим способом.

Генерал Шуберт, первый достоверно известный владелец монеты, ни словом не обмолвился о том, как она досталась ему. В 1855 г. не стало Николая I, и как раз в 1857 г., которым датированы и оба издания Ф. Ф. Шуберта, была впервые опубликована для всеобщего сведения официальная версия событий 27 ноября — 14 декабря 1825 г.,² в которой, кстати, ничего

¹ См. И. Г. С п а с с к и й. Первые годы гальванопластики в России. Сб. Б. С. Я к о б и. Работы по электрохимии, под ред. акад. А. Н. Фрумкина. М.—Л., 1957.

² М. К о р ф. Восшествие на престол императора Николая I. Изд. 4, СПб., 1857. Предыдущие издания (по 25 экземпляров) для широкого распространения не предназначались.

не говорилось о небывалой сенатской депутации¹, равно как и о посылке образцовых монет в Варшаву. Весьма вероятно, что со смертью Николая в какой-то мере связаны заграничные публикации 1857 г. Шуберта. В то же время нельзя не заметить, что только годом ранее, в конце 1856 г. скончался Я. Я. Рейхель — последний из оставшихся в живых непосредственных инициаторов и участников чеканки загадочной монеты и наиболее вероятный ее первый владелец (Канкрин умер еще в 1845 г.).

Еще несколько публикаций рубля Константина осуществлялось за границей; все они полны неясностей, недомолвок и очевидных натяжек и противоречий. В 1866 г. первым взял на себя неблагоприятный труд связно изложить историю таинственной монеты, как ее рассказывали в Петербурге, Б. В. Кене (1817—1886). И на этот раз заграничная публикация появилась менее чем через год после смерти второго владельца (и первого издателя) монеты — Ф. Ф. Шуберта!

Переселившийся в Петербург из Германии барон Б. Кене нашел среди петербургской знати сильных покровителей и преуспевал на службе в Эрмитаже. Хотя из Минцкабинета, в который его устроили сперва, Кене пришлось уйти, он упорно претендовал на положение непогрешимого знатока нумизматики. Вместе с Рейхелем Кене был учредителем Археолого-нумизматического общества; но среди ученых симпатий не вызывал, а его постоянная неразборчивость в средствах, стяжательство и болезненная страсть к чинам и орденам служили предметом насмешек. Примечательной чертой характера Кене было

¹ Возможно, что какие-то предположения относительно такой депутации существовали. Со слов Константина о ней упоминается в записках Мориоля, губернатора внебрачного сына Константина. См. *Memoires du Comte de Moriollles sur l'emigration, la Pologne et la cour du Grand-duc Constantin* (1789—1833). Paris, 1902, p. 269, 272.

Б. В. Кене. Гравюра К. Кастелли.

B. Koehne. Engraving by K. Kastelli

ни с чем не сравнимое упорство, с которым он защищал любое свое однажды высказанное мнение, в какое бы смешное положение он при этом ни ставил себя.¹ Рубль Константина сыграл с ним прескверную шутку!

Изложив с некоторыми погрешностями по упомянутой публикации М. Корфа политические события междуцарствия, Кене о самой монете сообщил следующее: она вовсе не известна кому бы то ни было на Петербургском монетном дворе, так как там и не изготовлялась. Это была „частная работа“, и инициатива ее создания целиком принадлежала покойному Рейхелю. Получив словесное разрешение Канкрин, Рейхель „работая день и ночь“, изготовил единственную пару штемпелей. Он так спешил, что не стал делать кольцо для гуртовой надписи и отчеканил втайне, вероятно у себя в Экспедиции заготовления государственных бумаг, только пять монет, которые и представил Канкрину. Три из них немедленно были отправлены в Варшаву к Константину, а две остались у министра. В ночь с 13 на 14 декабря Рейхель был спешно вызван к Канкрину с приказом захватить с собою штемпели; в его присутствии, прямо в министерском кабинете они были „уничтожены“, а обе оставшиеся монеты тут же расплавлены!

Далее читатель узнаёт и историю шубертовской монеты. „Более 20 лет тому назад“ (т. е. в 30-х или в начале 40-х гг. XIX в.) русский генерал, любитель монет, находясь в Хомбурге (курортный городок в Южной Германии), посетил игорный дом² и увидел

¹ См. „Blätter für Münzfreunde“, n. 60, 1877, S. 480.

² Игорный дом Хомбурга был хорошо известен русским читателям: в 1859 г. о нем было рассказано в журнальной статье издававшегося в Петербурге „Финского вестника“ (апрельский №), а в конце 1866 г. Петербург зачитывался „Игроком“ Ф. М. Достоевского. Действие повести разворачивается в Хомбурге.

у незнакомого ему соседа по зеленому столу среди серебряных рублей, которыми тот расплачивался, обыкновенную монету. С согласия владельца, несколько не ценившего ее, генерал выменял константиновский рубль на обыкновенный; после смерти неизвестного генерала монету приобрел Шуберт. Этот рубль, доказывал Кене, был одним из трех, отосланных Канкриным в 1825 г. в Варшаву. В 1830 г. во время разгрома повстанцами резиденции Константина они были похищены и попали в обращение... Эффектное заключение берлинской статьи — *relata refero*, т. е. „что слышал, то и передаю“ — было вполне уместно. Статья сопровождалась рисунком монеты¹.

Кене рассказал сложившийся в Петербурге еще в 1830—1840-х гг. „салонный“ миф о рубле Константина — сомнительной в политическом отношении уникальной монете, оказавшейся в частных руках. Кое-что уже знакомо нам по пояснениям самого Ф. Ф. Шуберта, впервые сообщившего о посылке монет в Варшаву и об уничтожении штемпелей. Эта фантастическая история восходит к доверительным „рассказам вполголоса“ министра финансов Е. Ф. Канкрин, умершего еще в 1845 г., и автора штемпелей Я. Я. Рейхеля. Последний по праву дружбы в свое время согласился приписать себе одному инициативу создания пробных рублей Константина — на случай возможных неприятностей для Канкрин. Для министра финансов версия об уничтожении штемпелей и отсылке монет в Варшаву была „ложью во спасение“: можно себе представить, как охаживали бы его высокопоставленные владельцы нумизматических коллекций, знай они, что монеты и штемпели сохраняются...

¹ В. К ö h n e. Der Konstantin-Rubel. „Berliner Blätter für Münz-Siegel- und Wappenkunde“, B. III. Berlin, 1866, SS. 208—213.

„Рубль Трубецкого“ — поддельный рубль Константина.

„Trubetzkoï rouble“ — a counterfeit Constantine rouble

Безымянный генерал-нумизмат и его партнер оставались призрачными фигурами, а все остальные упомянутые Кене лица — Константин, умерший в 1831 г., Канкрин — в 1845 г., Рейхель — в 1856 и Шуберт — в 1865 г. — никаких справок и поправок сделать не могли. К ним еще можно добавить не названного Кене бывшего вардейна (начальника) Петербургского монетного двора Е. И. Еллерса, умершего тоже в 1856 г. Некому было даже объяснить, на каком оборудовании можно было чеканить монеты в Экспедиции, т. е. попросту говоря в типографии, и как производилась плавка серебра в министерском кабинете...

Удивительная история уникальной монеты не вызвала каких-либо сомнений до 1873 г., когда в Петербурге появилась брошюра, выпущенная князем А. В. Трубецким в Марселе всего в 40 экземплярах¹.

¹ Prince Alexandre Troubetzkoï. Rouble de Constantin césarewitch grand duk de Russie. Marseille, 1873.

Подлинный рубль Константина.

Authentic Constantine rouble

Трубецкой высказывал сомнение в подлинности рейхелевской монеты и на ее место предлагал сразу пять, происходящих прямо из Бельведерского дворца — резиденции Константина в Варшаве! Одна из них еще в 1870 или в 1871 г. была доставлена Трубецким для коллекции Эрмитажа.

83

Поддельный рубль Трубецкого.

The counterfeit — Trubetzkoï rouble

Сверкавшая девственной новизной монета Трубецкого отчеканена на высоком техническом уровне, но как русская монета она так же не закончена, как и шубертовский рубль, поскольку и на ней нет гуртовой надписи! Самая заметная ее особенность по сравнению с шубертовской — прямая постановка

Подлинный рубль.

Authentic rouble

штемпелей (↑ ↑) — как на всех русских монетах того времени. Размер и вес монеты точно соответствуют размеру и весу рублевой монеты 20-х гг. XIX в.

При безупречной передаче русского характера литер, они отличаются большей массивностью толстых

Поддельный рубль.
The counterfeit rouble

прямых, а в начертании В, Р, Б, Ъ и Ь дуги имеют более плавный, круглящийся изгиб, чем на подлинной монете. Особенно же бросаются в глаза цифры в надписях обеих сторон и в дате под обрезом портрета. Единицы — с острым завершением на оригинале —

имеют срезанные верхушки на повторении; восьмерка на последнем обчерчена по-иному и более широка. Наиболее приметна пятерка, которая на парижском экземпляре имеет загнутый кверху и закругленный кончик верхней части. Указанное начертание настолько же не характерно для 1825 г., насколько обычно для европейской чеканки второй половины XIX в., в частности, и для монетной чеканки Франции.

Портрет на парижской монете вырезан в более плоской манере, да и угловатая форма головы Константина рейхелевского портрета при повторении получила несколько более округленное очертание. На перевязанном лентами лавровом венке, окружающем герб на оборотной стороне, терпение гравера, как видно, истощилось, и под одной из перевязей он забыл вырезать листья. Хорошей приметой рубля Трубецкого служит точка, неизвестно зачем помещенная на фоне гербовой стороны, пониже лапы орла с державой, около венка.

У исполнителей сравниваемых пар штемпелей весь инструмент был разный — начиная от пунсонов, которыми набит орнамент из городков вдоль внешнего ободка на обеих сторонах монеты. Хотя количество городков на лицевых сторонах совпадает, на рубле Трубецкого из-за меньшей ширины пунсона они кажутся поставленными реже. Обратная сторона, где на рубле Трубецкого городков меньше, еще более усиливает это впечатление. Весь инструмент парижского мастера был новее, чем изрядно изношенный набор Петербургского монетного двора 1825 г.

Ни Шуберт, ни Кене не отметили в публикациях особое соотношение сторон изданной ими подлинной монеты, а у исполнителя парижских штемпелей под руками были, вероятно, не соединенные (или неправильно соединенные) гальваноконии сторон шубертовского рубля.

Имя А. В. Трубецкого (1813—1889) и его придворная кличка „Бархат“ хорошо известны пушкинистам: ¹ начинавший свою карьеру в Кавалергардском полку Трубецкой был близким приятелем убийцы А. С. Пушкина. Известен опубликованный незадолго до смерти Трубецкого его „Рассказ об отношениях Пушкина к Дантесу“ ². Выйдя в 1845 г. в отставку с чином полковника, Трубецкой в 1852 г. уехал за границу и, женившись там, отказался вернуться на родину, несмотря на категорические требования. Ему грозили разжалованием, лишением всех прав состояния и судом, но в 1855 г. во время Восточной войны, сразу же после смерти Николая, Трубецкой возвратился и вновь вступил в военную службу; вторично вышел в отставку в 1857 г., а с 1868 по 1874 г. был русским генеральным консулом в Марселе. Позже он еще раз вернулся на военную службу — до увольнения в запас в генеральском чине в 1883 г. Но положение его в России после возвращения сильно пошатнулось; должность консула в портах Средиземного моря была не бог весть какой синекурой, военную службу он нес в захолустных гарнизонах и даже однажды был выслан из столицы, когда выяснилось, что он приехал туда самовольно. Последние годы жизни Трубецкой провел в Одессе и умер в 1889 г. ³ Е. Э. Трубецкая, посвятившая исторический труд прославлению своего рода, очень кратко помянула А. В. Трубецкого, не отметив даже места его погребения ⁴.

¹ См. Э. Герштейн. Вокруг гибели Пушкина. „Новый мир“, № 2, 1962.

² „Русская старина“, 1901, февраль, стр. 256; Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837. М., 1960, стр. 381.

³ Сборник биографий кавалергардов 1826—1908 гг. под ред. С. Панчулидзева. СПб., 1908, стр. 60—62.

⁴ Е. Э. Трубецкая. Сказания о роде князей Трубецких. М., 1891, стр. 253, 254 и 302.

Князь А. В. Трубецкой.
Prince A. V. Trubetzkoï

В 1860—1870-х гг. Трубецкой довольно усердно занимался нумизматикой. В 1860 г. он опубликовал в Париже каталог своей коллекции средневековых монет¹; его же перу принадлежит одно историческое сочинение, посвященное Червонной Руси². Последними нумизматическими опытами Трубецкого, отнюдь не принесшими ему славы, были две брошюры, посвященные рублю Константина.

В брошюре 1873 г. излагалось следующее: в 1867 г. (т. е. год спустя после выхода в свет статьи Кене, поведавшей о трех рублях, которые исчезли в 1830 г. из апартаментов Константина Павловича) Трубецкой, находясь в Марселе, получил из Парижа от неизвестного лица письменное предложение приобрести некие редкости — под условием сохранить в тайне имя инициатора сделки. Не будь это предложение так законспирировано, в нем не было бы ничего необычного для русского дипломата: в архиве Эрмитажа среди других донесений консулов о продающихся редкостях сохранилось написанное годом позже письмо самого Трубецкого, сообщавшего о предложенной ему для приобретения интересной коллекции восточных старинных монет³.

Предложение Трубецкого возвращать корреспонденту его письма, оставляя у себя их фотокопии, но без имен и адресов, было принято (как будто нельзя было заpastись вторыми, полными фотокопиями!). Из дальнейшей переписки выяснилось, что речь идет о пяти рублевиках Константина! Оказывается, в 1830 г. они достались участнику разгрома Бельведерского

¹ Catalogue de monnaies du moyen age en or — en argent — en billon, composant la collection du prince Alexandre Troubetzkoy. Paris, MDCCCLX.

² Prince Alexandre Troubetzkoi. La Russie Rouge. Paris, 1860.

³ Архив Эрмитажа, ф. 1, оп. 5, 1869, № 8, л. 29, 30.

дворца, нашедшему убежище во Франции. Его вдова успела прожить все награбленное тогда золото(!) и, следуя предсмертным наставлениям супруга, сохранила только 5 редчайших монет, но пришел и их черед... Друг покойного принял на себя заботы о продаже; все пять монет могли быть проданы только вместе, „en bloc“.

Если даже поверить, что константиновские рубли в самом деле были доставлены в Варшаву, то и в этом случае история выгядит настолько неуклюже, что только диву даешься — как можно было публиковать такие басни!

Во время переговоров Трубецкому, как он писал, пришлось на время отправиться в Петербург, где он советовался с „компетентными лицами“, чтобы чувствовать себя увереннее в дальнейшем, а вернувшись в Париж в 1868 г., встретился с владелицей, увидел монеты и получил фотографические снимки и слепки. У него больше не оставалось сомнений ни в подлинности монет, ни в достоверности изложенной выше истории.

При первом беглом знакомстве, рассказывает Трубецкой, он признал монеты идентичными шубертовскому рублю (знакомому ему по гальванокпии), но вскоре убедился в своей ошибке.

„Озабоченный приобретением монет“, Трубецкой пытался путем переписки — тоже опубликованной им — найти компаньонов для покупки, для него одного слишком накладной. С этой целью он обратился с просьбой к Кене содействовать приобретению экземпляра для Эрмитажа, другую монету предложил графу С. Г. Строганову и третью — принцу Александру Гессенскому. Но нужно было убедить их, что речь идет о подлинных монетах. Всем троим были посланы фотокопии парижских писем, фотографии и слепки монет.

Б. Кене уже знаком нам. Кузен Трубецкого С. Г. Строганов (1794—1882) был председателем Археологической комиссии и большим любителем нумизматики, владельцем богатейшей коллекции, ныне принадлежащей Эрмитажу. В свое время его изрядно обирали фальсификаторы древних монет, развернувшие бурную деятельность в Петербурге 1830—1840-х гг., и умудренный опытом граф как огня боялся подделок.

Принца Александра Гессенского (1823—1888), с которым нам еще предстоит встретиться как с владельцем одной из подлинных монет, с Трубецким связывала приятельскими отношениями совместная служба в Кавалергардском полку. В 1840 г. принц Александр появился в Петербурге вместе с сестрой, которая годом позже под именем Марии Александровны стала супругой наследника престола — Александра II. Принц делал в Петербурге блестящую карьеру, молниеносно стал генералом, получил множество орденов за участие в Кавказской войне. Среди сыпавшихся на него почестей было и избрание, как нумизмата-любителя, почетным членом Археологического общества. Однако фортуна в конце концов изменила ему: одно далеко зашедшее романтическое приключение закончилось в 1853 г. тем, что по требованию Николая I принцу пришлось удалиться от двора, навсегда покинуть Россию и вступить в морганатический брак с пострадавшей фрейлиной¹.

Александр Гессенский перешел в австрийскую службу, участвовал в итальянской кампании, а позже поселился в своем Дармштадте. Он коллекционировал гессенские и майнцские монеты, а также крупные, преимущественно золотые портретные монеты

¹ А. Ф. Тютчева. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник 1853—1855. М., 1928, стр. 66—67.

Принц Александр Гессенский. Медаль раб. К. Лоренца.
Prince Alexander of Hessen. Medal executed by K. Lorentz.

правлящих домов Европы и составил подробные каталоги коллекций, успев опубликовать два из них¹. Пожалуй, следуя именно его примеру, несколько русских великих князей 70—80-х гг. XIX в. увлеклись составлением нумизматических коллекций.

Обращаясь с письмом к Кене — автору публикации 1866 г., Трубецкой брал под сомнение достоверность истории шубертовской монеты и в особенности сведений о количестве посланных в Варшаву монет. Доказывая подлинность и варшавское происхождение не трех, а пяти монет, Трубецкой, естественно, должен был как-то обосновать это. Действительно, откуда взялись пять, если в Варшаве, по уверениям Кене, их было только три, а еще две отчеканенных были уничтожены!

В письмах Трубецкого, а затем и в его брошюре к четырем загробным свидетелям Кене со стороны

¹ „Blätter für Münzfreunde“, n° 155, Leipzig, 1889 (Band VII, 1889—1892, Leipzig, 1893).

Трубецкого присоединяется еще один — умерший в начале 1866 г. обергофмейстер А. И. Сабуров (1797—1866), человек самой незавидной репутации, смещенный в 1862 г. с должности управляющего императорскими театрами после гнусного скандала в Театральном училище¹.

В 1825 г. корнет гусарского полка Сабуров ездил в Варшаву с рапортами военного министра и министра финансов о принятии их ведомствами присяги Константину. Трубецкой ссылался на неоднократно слышанный им лично рассказ Сабурова, утверждавшего, что именно он и отвозил в Варшаву монеты, которые Константин, не разглядывая, швырнул на стол, и что монет в специально для них сделанном футляре было шесть. Гусарский корнет заменил сенатскую депутацию!

По словам Сабурова, Константин не принял адресованные ему как императору пакеты и приказал немедленно отправляться с ними обратно. Впрочем, это же самое рассказывали и о других курьерах, скакавших сломя голову в ноябре — декабре 1825 г. вперед между Варшавой и Петербургом и Варшавой и Таганрогом². Когда рубли Константина стали модной темой, Сабурову довелось, несомненно, узнать о них. Какой соблазн! Как тут было не прибрать к рукам такой замечательный сюжет, приписав себе доставку монет в Варшаву к Константину? Ведь даже в книжке Корфа подтверждалось, что именно Сабуров возил рапорт министра финансов: кому же, как

¹ См. Словник Русского биографического словаря. Сб. Русского исторического общества, т. 62; П. В. Долгоруков. Петербургские очерки. Pamфлеты эмигранта 1860—1867. М., 1934, стр. 134, 138 и 285.

² См. Е. П. Карнович. Цесаревич Константин Павлович. „Русская старина“, 1877, т. 20, стр. 386 (Курьер Дибича в Варшаве).

не ему, было поручить монеты? Правда, Корф сообщил и то, что Сабуров уехал всего через несколько часов после получения вести о смерти Александра, т. е. еще 27 ноября¹, когда монеты никак уж поспеть не могли; но в брошюре Трубецкого подсунута более подходящая, хоть и совершенно уже нелепая дата поездки Сабурова с монетами — 12 декабря!

Не помог и Сабуров; попытки Трубецкого организовать выгодные сделки успехом не увенчались. Строганов написал, что от самого Канкрин слышал о посылке в Варшаву пяти монет; поскольку одна „варшавская“ уже была у Шуберта, появление еще пяти, а не четырех и вызывало его недоверие. Если, рассуждал Строганов, сам исполнитель штемпелей Рейхель не мог получить для себя экземпляра монеты, откуда же явилась шестая?

Подписавшийся „ваш старый друг“, Александр Гесенский, возвращая фотокопии, тоже отказывался поверить в подлинность парижских монет. Он ссылаясь на личные беседы с Рейхелем и на публикацию Кене 1866 г. и придерживался версии о трех монетах, посланных в Варшаву, допуская, впрочем, мысль, что Рейхель мог и не уничтожить оставшиеся в Петербурге. Подобно Строганову, до представления самих монет „старый друг“ ничего конкретного и утешительного для Трубецкого не предлагал.

Кене, отстаивая данные своей статьи, ответил, что от Сабурова лично слышал о трех отвезенных монетах, а некоторые обмолвки в письме имели, пожалуй, уже и обидный для адресата характер...

Трубецкой упоминает, что после обмена письмами ему снова довелось побывать в Петербурге. Верил ли он в подлинность предложенных ему монет или сознательно пытался сбыть подделки — он оставил в

¹ М. А. Корф, ук. соч., стр. 61.

Петербурге неприятные семена сомнения, а вскоре почувствовал, что они дали всходы. В самом деле, для чего нужно было Трубецкому издавать в 1873 г. брошюру-апологию для 40 читателей и взывать к здравствующим, живым свидетелям, публикуя переписку с Кене, Строгановым и Александром Гессенским? Дело было уже не в рублях Константина, а в павшем на Трубецкого подозрении в афере. Только так и приходится рассматривать изданную в Марселе редкую брошюру.

То, что в письмах Трубецкого высказывалось в довольно сдержанной форме, в брошюре излагалось гораздо напористее. Сомнения и возражения, адресованные живому Кене и мертвому Шуберту, сводились к следующему.

Мог ли владелец монеты — игрок, — находясь в Германии, беспрепятственно расплачиваться русскими серебряными рублями? Кому придет в голову везти с собою за границу такую тяжесть — не говоря уже о том, что вывоз серебра из России в те времена не допускался. Как мог неизвестный игрок сам не обратить внимания на удивительную монету? Ведь игроки — народ суеверный и особенно ценят „счастливые“ необыкновенные монеты... Как мог рубль, находившийся в обращении и прошедший через множество кошельков, так замечательно сохранить свой первоначальный блеск? Почему Шуберт, рассказывая, как досталась ему монета, замалчивал имя собирателя, которому принадлежит честь опознания уника и который спас из рук крупье и так долго сохранял в полной тайне такую редкость?

Почему, наконец, Шуберт и Кене не сделали никаких попыток подтвердить и проверить подлинность монеты, сопоставляя ее с русской монетой 1824—1825 гг.? По мнению Трубецкого — совершенно неосновательному, — такое сопоставление было бы не в

Exemplaire de *Sci*
Bibliothèque de l'Hermitage

TIRÉ A QUARANTE EXEMPLAIRES

sur papier vergé de Hollande

N°

Контритул брошюры А. В. Трубецкого, 1873 г.
Contre-title of A. V. Trubetzkoi's booklet, 1873

PRINCE ALEXANDRE TROUBETZKOY

ROUBLE

DE

CONSTANTIN

CÉSAREWITCH

GRAND DUC DE RUSSIE

MARSEILLE

IMPRIMERIE CENTRALE E. CAMOIN

MDCCCLXXIII

Титульный лист брошюры А. В. Трубецкого, 1873 г.

Title page of A. V. Trubetzkoï's booklet, 1873

пользу подлинности. Исходя лишь из необычной постановки штемпелей, Трубецкой доказывал, что шубертовский рубль мог быть отчеканен только иностранцем и только за границей! Следовательно, эта монета — подделка и вообще не могла находиться среди образцовых рублей, посланных в 1825 г. из Петербурга в Варшаву.

Полностью перепечатав в брошюре немецкую статью Кене, Трубецкой отметил в ней погрешности исторического и фактического порядка; но важнее всего для него было повернуть по-своему вопрос о количестве посланных в Варшаву монет. Им Трубецкой занимался с наибольшим упорством, выбирая из переписки любые пригодные для него высказывания.

Посетовав, что его благородная попытка вернуть России столь редкие монеты не увенчалась успехом, Трубецкой изложил дальнейшую их историю; по занимательности она вполне может поспорить с рассказом Кене. В Париже Трубецкому удалось заинтересовать золотыми античными монетами своей коллекции некоего Э. Жиро (E. Girault) — доверенное лицо „богатого американского собирателя из Кентукки“ Вебстера. Для обмена с Трубецким Жиро купил все пять рублей Константина и два из них сразу же оказались у Трубецкого в конце 1869 г. Уже была договоренность о получении таким же путем еще одного, но 11 апреля 1870 г. Жиро сообщил, что все приобретенные им в Европе монеты погибли с багажом Вебстера, отправленным на пароходе „Город Бостон“, который затонул в начале названного года...

„City of Boston“, вышедший из Галифакса в Ливерпуль 28 января 1870 г., действительно в место назначения не прибыл и был признан погибшим; но подтвердить существование самого владельца скрывшихся на дне морском монет — богатого американского собирателя Вебстера — не удалось. Он не

оставил никаких следов в американской нумизматической литературе и в списках членов Американского нумизматического и археологического общества за указанные годы¹.

Далее Трубецкой рассказывает, что, завладев двумя монетами, он подверг их тщательному изучению, а во время посещения Петербурга сравнил с шубертовской монетой, которую увидел в подлиннике в первый раз, и окончательно убедился, что она не идентична приобретенным и может быть только подделкой, изготовленной, судя по необычной постановке ее штемпелей и по обстоятельствам ее приобретения, за границей.

Одну из своих монет Трубецкой тогда же, в 1870 или 1871 г., передал в Эрмитаж. В архиве последнего не оказалось никаких упоминаний об этом поступлении, но в ближайшие годы и Кене подтвердил наличие этой монеты в Эрмитаже. По всей вероятности, ее как подделку, не сочли нужным записывать и положили в коллекцию подделок, каталога не имевшую. (Ее извлек оттуда и записал в каталог русских монет не ранее 1921—1922 гг. А. А. Ильин, работавший в Эрмитаже хранителем русских монет с 1920 по 1942 г.).

Опубликованные Трубецким письма свидетельствуют, что константиновский рубль был довольно старой темой в кругу петербургских собирателей. О нем толковали еще при Канкрине, т. е. до 1845 г., а историю „обретения“ шубертовской монеты на зеленом столе рассказывал иногда и Рейхель: следовательно, у Шуберта рубль оказался задолго до издания каталогов 1857 г. В письме Строганова 1868 г. особенно интересно упоминание о штемпелях. Будто бы

¹ Соответствующие справки о судьбе корабля по данным „Годового регистра“ 1870 г. и о собирателе Вебстере любезно предоставил г-н Г. Северин (Нью-Йорк).

уничтоженные в 1825 г., они на самом деле сохранялись, по догадке Строганова, на Монетном дворе, а в действительности, в Министерстве финансов. Строганов даже пообещал Трубецкому попытаться при случае проверить, точно ли штемпели находятся, как уверял его в свое время Канкрин, в непригодном для чеканки состоянии.

Тайна, облакавшая загадочную монету, понемногу рассеивалась. В 1874 г. промелькнуло первое упоминание о константиновском рубле в русской подцензурной печати: Ю. Б. Иверсен, видный петербургский собиратель, а впоследствии хранитель отделения монет и медалей Эрмитажа, опубликовал пару оловянных слепков штемпелей обеих сторон „рейхелевской“ монеты¹, оказавшихся у академика А. Ф. Бычкова, заведывавшего отделением рукописей Публичной библиотеки². Откуда же попали к нему слепки с никому неизвестных тогда штемпелей? Когда в 1917 г. Эрмитаж получил из Министерства финансов оставшиеся там слепки, их оказалось 17, тогда как в 1825 г. было сдано в Министерство 19.

Иверсен упомянул и об объявившихся в Париже константиновских рублях, отметив, что у него уже имелась гальванопластическая копия парижской монеты — вероятно, с эрмитажного экземпляра. „Где деланы эти новые штемпели, когда и кем — не видно из брошюры князя Трубецкого, так как он считает эти экземпляры настоящими“, — писал Иверсен, сразу же признавший подделку.

Тем временем к поединку с Трубецким готовился Кене. В 1878 г. появилась первая статья в русском

¹ Ю. Б. Иверсен. Неизданные и редкие русские медали. СПб., 1874, стр. 14.

² Л. Н. Майков. Об ученой деятельности А. Ф. Бычкова (Некролог). СПб., 1900.

журнале, посвященная константиновскому рублю, который несколькими годами ранее вместе со всем собранием покойного Ф. Ф. Шуберта перешел к графам Д. И. и И. И. Толстым¹. Статья была анонимной; Кене слегка изменил и расширил для русского читателя изложенную выше берлинскую статью 1866 г., выправив подмеченные Трубецким погрешности фактического порядка, но ни в чем существенном не отказываясь от своей версии.

По словам Кене, Рейхель работал над штемпелями не один, а привлек себе в помощь медальера Монетного двора Алексеева, который вырезывал штемпель оборотной стороны. Это тоже был безопасный свидетель — он умер еще в 1832 г.² Для чеканки монет, оказывается, был приглашен „доверенный чеканщик“. Ссылаясь на рассказ Рейхеля, Кене раскрыл теперь инкогнито генерала, добывшего рубль в Хомбурге (который по-русски стал почему-то Гамбургом): это некий Крейдеман. В военно-справочной литературе отыскать сведения о генерале с такой фамилией не удалось; но в 1840 г. в Петербурге был похоронен действительный статский советник А. А. Крейдеман. Он даже находился в родстве с семьей Флугов³, к которой принадлежал один видный собиратель тех лет. Названный гражданский чин соответствует первому генеральскому (генерал-майор) и в подобном именовании на военный лад чиновника в те годы не было ничего необычного, а для Кене с его преклонением перед табелью о рангах — и подавно. Как собиратель монет Крейдеман неизвестен. Еще один загробный свидетель!

¹ Константиновский рубль. „Всемирная иллюстрация“, т. 19, 1878, стр. 327.

² Ю. Б. Иверсен. Словарь русских медальеров. СПб., 1874, стр. 4.

³ Петербургский некрополь, т. II. СПб., 1912, стр. 518.

Партнер Крейдемана, в прежнем рассказе охотно расставшийся с редкой монетой, теперь превратился в „польского пана“; но генерал уже не выменивал рубль у него, а выкупал у крупье. Замечательное приобретение побудило Крейдемана (прежде нумизмата-любителя) начать составление коллекции, которую после его смерти и приобрел Шуберт.

Не обошел Кене и свидетеля Трубецкого — Сабурова: гусар отвозил в Варшаву футляр с теми же тремя монетами, о чем сам рассказывал Кене...

Заключительный абзац целиком адресовался Трубецкому: „К сожалению, появились во множестве фальшивые константиновские рубли, подделанные удивительно ловко при помощи гальванизма. Они сработаны одним весьма искусным парижским резчиком, который, как уверяют, предпринял эту работу не по собственному побуждению, а по заказу. Один из этих поддельных константиновских рублей был приобретен как образец искусной подделки для императорского Эрмитажа“. Говоря о „гальванизме“, Кене скорее всего имел в виду, что оригиналом для гравера послужил гальванопластический слепок шубертовского рубля, но о множестве фальшивых рублей было сказано для красного словца.

Прозрачные намеки уже прямо обвиняли Трубецкого в афере... Но Кене и этого было мало: в начале следующего 1879 г. та же статья, на этот раз подписанная, появилась в третий раз — еще и на французском языке, в брюссельском журнале! Кроме изложения разговора Сабурова с Константином, почти ничего нового в ней нет. Крейдеман здесь, как в первой редакции, получает рубль от партнера-игрока, но уже поляка, а не от крупье, как во второй. Наиболее интересное изменение касается штемпелей: оказалось, что они „не были разрушены полностью, так как уверяют, что они существуют и теперь“.

Фальшивые рубли, по словам Кене, появились в 1873 г. Таким образом, брались под сомнение даже приведенные в брошюре Трубецкого письма 1868 г.— в том числе и самого Кене! Эти рубли выполнены „парижским гравером В с улицы J“. „Выпущенная в Марселе в 1873 г. брошюра ... излагает от начала до конца вымышленную историю, чтобы заставить поверить, что объявившиеся в Париже подделки — подлинные монеты“.¹

Так выглядела статья Кене только в разосланной подписчикам книжке журнала — и получение ее не принесло автору радости... Мы знаем, что еще в 1868 г. поговаривали о хранящихся где-то штемпелях; отсылая статью, и Кене что-то слышал о них, не подозревая, что вся его концепция вот-вот развалится, как карточный домик, и сам он окажется в положении ничуть не лучше, чем то, над которым он столько потрудился ради Трубецкого! В том же году стало известно о находке в архиве вполне исправных штемпелей и пяти монет, да еще и о хранящихся там же документах...

Единственное, что оставалось Кене, — снабдить отдельные оттиски своей статьи добавлением — вклеенной дополнительной страничкой. „Вследствие поисков, произведенных в Министерстве финансов, найдены три штемпеля рубля с именем императора Константина. Там имеется стальная матрица (за матрицу Кене принял незаконченный штемпель, на котором еще не были нанесены надписи, — И. С.), один штемпель законченный и полированный и один недоделанный, затем пять экземпляров рубля и девятнадцать оттисков в свинце. Г. статский советник А. Бычков является владельцем двадцатого оттиска. (В действи-

¹ B. de Koehne. Le rouble de l'empereur Constantin de Russie. Revue Belge de numismatique, v. XXXVII, 1879.

тельности 19 оттисков упомянуты в документе, но налицо было 17, а у А. Ф. Бычкова еще в 1874 г. было 2 оттиска, — И. С.). Шестой экземпляр рубля — тот, который ранее находился в коллекции генерала Шуберта, приобретенной графами Толстыми. Документы, относящиеся к этой интересной находке, будут опубликованы. Стало видно, какую веру можно давать рассказам гг. Рейхеля, Шуберта и Сабурова! В настоящий момент я могу лишь констатировать тот факт, что оригинальный штемпель не был разбит, но только конфискован, опечатан и сохранен в Министерстве финансов".¹

18 июля 1879 г. датировано разрешение цензуры на выпуск — в этот раз в Петербурге — новой брошюры А. В. Трубецкого². Теперь он мог позволить себе не придерживаться вежливых околичностей в отношении Кене; но отвечая, Трубецкой знал еще меньше Кене и не оценил упоминание последнего о документах... По-прежнему настаивая на варшавском происхождении своих монет, он теперь доказывал, что 12 декабря 1825 г. в Варшаву отослали с Сабуровым пять монет (шестая уже была ни к чему!), которые после восстания 1830 г. и оказались „en bloc" в Париже. Штемпели же в Петербурге были уничтожены в 1825 г., но „впоследствии" Рейхель изготовил новые, отчеканив ими монету для себя и еще пять, которые и были „положены в архив"... В истории монеты, подобранной на зеленом столе, писал Трубецкой, нет ни крохи правды: Шуберт получил свой

¹ В. de Koehne. Le rouble de l'empereur Constantin de Russie. Extrait de la Revue belge de numismatique, année 1879 (pp. 1—9). Bruxelles, 1879, avec un planche.

² Prince Alexandre Troubetzkoy. Supplement a la brochure sur le rouble de Constantin césarewitch grand-duc de Russie. SPb., 1879.

PRINCE ALEXANDRE TROUBETZKOY

SUPPLEMENT A LA BROCHURE

SUR LE

ROUBLE

DE

CONSTANTIN

CÉSARÉWITCH

GRAND-DUC DE RUSSIE.

ST-PÉTERSBOURG.

Imprimerie TRENKÉ & FUSNOT, Maximilianovsky pércoulouk, № 15.

1879.

Титульный лист брошюры А. В. Трубецкого
1879 г.

Title page of A. V. Trubetzkoï's booklet, 1879

рубль от Рейхеля, которому неудобно было хранить у себя эту крамолу.

Совершенно нелеп изложенный Трубецким в неопределенной форме слух о какой-то „публичной продаже даже маленькой коллекции монет“ из императорской

библиотеки, причем были проданы будто бы рубли Константина! Продажа из дворца, да еще „публичная“, не имевшихся тогда и в императорском музее монет — да еще таких монет! — совершенно невероятна. Скорее всего, до Трубецкого в самый последний момент докатился, как водится, искаженный слух о том, что найденные в Министерстве финансов монеты были затребованы во дворец и там розданы разным лицам. Действительно, это произошло совсем незадолго до выхода брошюры — в июне 1879 г.! Тонуций Трубецкой пускал пузыри...

В полемическом азарте спорщики так далеко зашли, что обоим ничего не оставалось, как умолкнуть. Кене умер в 1886 г., но переживший его Трубецкой еще мог читать о себе новые и довольно неприятные отзывы в печати.

Все, о чем Кене и Трубецкой знали только понаслышке, было приведено в полную ясность статьей любителя-нумизмата Д. Ф. Кобеко (1837—1918)¹. С 1865 по 1879 г., т. е. по год „огласки“ тайны штемпелей и монет, он занимал в Министерстве финансов ответственный пост начальника канцелярии министра, а позже стал директором Публичной библиотеки.

В январской книжке „Русской старины“ за 1880 г. Кобеко опубликовал рапорт вардейна Монетного двора Е. И. Елерса от 19 декабря 1825 г., в котором говорилось: „...при сем... представляются в ящике шесть известных² штемпелей с 19-ю оловянными слепками за казенной печатью Монетного двора“, а служебная записка получившего этот рапорт директора

¹ Некролог Д. Ф. Кобеко (А. С. Лаппо-Данилевского) см. Известия Академии наук, 1918, стр. 521, 530.

² В практике Монетного двора слово „известный“ издавна было синонимом слова „секретный“. Вплоть до 1870 г. так именовались в официальной переписке тайно чеканившиеся в Петербурге с 1730-х гг. голландские червонцы.

Д. Ф. Кобеко. Гравюра К. Кастелли.
D. F. Kobeko. Engraving by K. Kastelli

департамента горных и соляных дел Е. В. Карнева от 20 декабря сообщала министру финансов Е. Ф. Канкрину: "...представляю все штемпели и прочие приготовления, сделанные на счет известного рубля, закупоренные в ящике. На Монетном дворе ничего не осталось. Самый даже рисунок (т. е. эскиз монеты, — И. С.) у сего прилагаю"¹.

По свидетельству Д. Ф. Кобеко, в Министерстве финансов с 1825 г. хранились запечатанный ящик со штемпелями и слепками, пакет под печатью с названными документами и особый сверток с 5 монетами. Появление еще в 1874 г. у А. Ф. Бычкова штемпельных оттисков и слух о штемпелях, еще в 1868 г. нашедший отражение в письме С. Г. Строганова, доказывают, что с ходом времени секрет утрачивал свою остроту и кое-кто в Министерстве финансов имел возможность заглядывать в „известный“ ящик, уже не обращая внимания на печать.

В опубликованных Д. Ф. Кобеко документах сами монеты не упомянуты. По всей вероятности, они были отосланы с Монетного двора в Министерство финансов раньше, до упаковки и отсылки штемпелей. Качество чеканки всех „министерских“ экземпляров не оставляет сомнений в том, что они были кое-как оттиснуты в большой спешке — по-видимому, в самый последний момент, после прекращения работы над штемпелями.

Монета Рейхеля — Шуберта, вероятно, была отчеканена ручным винтовым (медальным) прессом старой конструкции на негурченом кружке. Но пять „министерских“ имели гуртовую надпись обычного для того года типа. Вернее всего, они изготовлены на

¹ Д. Ф. Кобеко. Рубль императора Константина. „Русская старина“, т. 27, 1880, стр. 187—189. Факсимиле обоих документов см. рис. на стр. 13.

печатном станке системы Дро, производившем обжимку (тиснение) гурта одновременно с тиснением монеты; однако наладка его не была произведена, почему часть металла выжималась в гуртильном кольце вверх и вниз в виде заусениц на кромке монет. Это могло происходить в том случае, когда оставался „люфт“ между кольцом и штемпелями. Вероятно, так и было — кольцо оставило на гурте всех пяти монет очень слабый, сходящий на нет отпечаток. Если допустить, что чеканка производилась на уже гурченных кружках, никак не объяснить, почему были взяты как на подбор бракованные кружки¹.

В последней четверти XIX в., после смерти Ф. Ф. Шуберта, лучшим частным собранием русских монет в Петербурге надолго стала коллекция графов Д. И. и И. И. Толстых, к которым в 1874 г. в полном составе перешла и шубертовская, с рублем Константина. Собрание это энергично пополнялось — в части допетровских монет самим И. И. Толстым, а монетами нового времени занимался наставник обоих владельцев Х. Х. Гиль (1837—1908), известный нумизмат, закупавший для Толстых все, что находил нужным². Но вскоре у Гиля появился еще один подопечный —

¹ В первой четверти XIX в. в Монетном отделении Петербургского монетного двора печатные машины Дро, приводившиеся в движение паровой машиной, не были снабжены гуртильными кольцами, поэтому гурчение кружков для них производилось заранее на особых станках. (См. И. Неведомский. Описание новой машины для тиснения монет ... С приобщением сделанного изобретателем описания находящихся ныне в С.-Петербургском монетном дворе печатных машин. СПб., 1811, стр. 2—4; см. также: Труды Государственного Эрмитажа, т. III, 1959). Однако Неведомский описал там же, на Монетном дворе, ручной пресс Дро с гуртильным кольцом и опубликовал его чертежи. По всей вероятности, такой пресс был в распоряжении Медального отделения.

² Х. Х. Гиль (некролог). Нумизматический сборник, т. 1, М., 1911, стр. 621—624.

И. И. Толстой. Гравюра К. Кастелли.
I. I. Tolstoy. Engraving by K. Kastelli

молодой великий князь Георгий Михайлович (1863—1919)¹. Последний, начиная с 1877 г., когда ему было 15 лет, увлекся русской нумизматикой и с особым усердием занимался монетами и медалями XVIII—XIX вв., получая от Монетного двора образцы всей новой чеканки².

Издававшийся Георгием Михайловичем, начиная с 1891 г., многотомный корпус монет XVIII—XIX вв. наряду с безусловно составленными каталогами включает богатейший свод документов по истории монетного дела в России³. Над каталогами работал Х. Х. Гиль, а после его смерти — А. А. Ильин (1858—1942); всю археографическую часть издания осуществил М. Г. Деммени (около 1870—1920). Но свою издательскую деятельность Георгий Михайлович начал еще в 1886 г., выпустив описание редких монет своей коллекции, уже включавшей и подлинный рубль Константина — один из пяти, отысканных в архиве⁴. Узнав о них еще в начале 1879 г., он обратился к министру финансов графу С. А. Грейгу и в июне с разрешения Александра II получил экземпляр. В разделе о константиновском рубле была перепечатана статья Д. Ф. Кобеко и рассказано, кому достались остальные монеты: одну получил Эрмитаж, другую царь оставил у себя и остальные подарил

¹ Русский исторический журнал, № 7, Пг., 1921, стр. 233.

² Центральный исторический архив Ленинграда, ф. 530, оп. 1, № 96, л. 172, сл.

³ Начав с монет Александра III (по 1890 г.), издатель дошел до монет Петра I. В 1914 г. выпущен том, посвященный монетам 1682—1711 гг., следующий выпуск должен был включать монеты 1712—1725 гг. От него сохранились только неполные (по 1719 г.) комплекты таблиц, каталог не был напечатан. Остался не осуществленным особый (первый) том — с документами петровского времени.

⁴ В. кн. Георгий Михайлович. Описание и изображение некоторых редких монет моего собрания. СПб., 1886.

Медаль-сувенир для посетителей мюнцкабинета великого князя Георгия Михайловича. Раб. А. Шарфа. На гурте вычеканено имя владельца коллекции и дата посещения. В Эрмитаже имеются медали с годами от 1896 по 1908.

Medal-souvenir for the visitors of Münzkabinet of the grand duke Georgii Mikhailovitch. Executed by A. Scharf. On the milled edge there is chased the name of the collection owner and the date of visiting. The Hermitage collection comprises specimens dated from 1896 to 1908

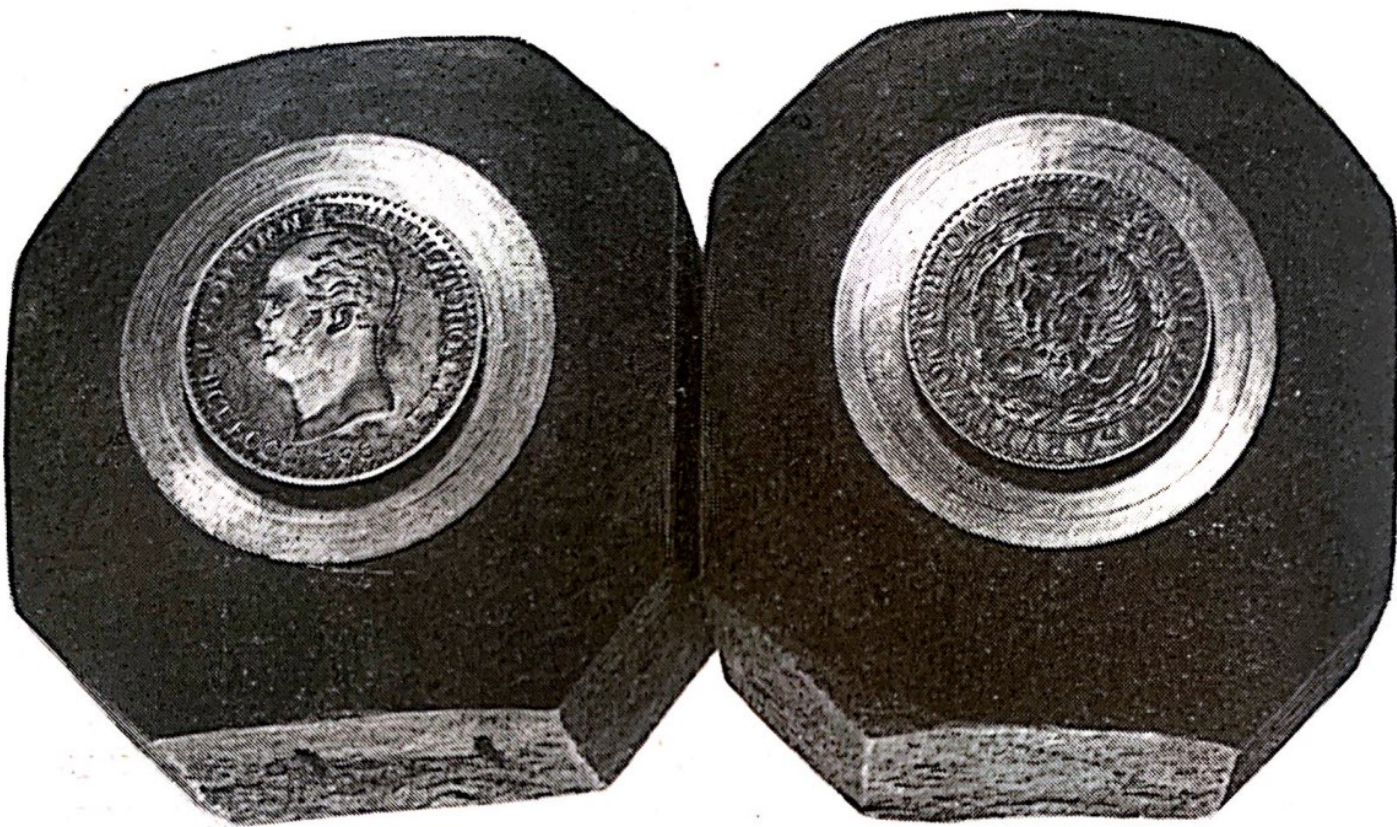
великому князю Сергею Александровичу и принцу Александру Гессенскому (последний отметил в своем каталоге и на сохранившейся этикетке, что получил свой экземпляр в 1880 г.).

Рассматривая все шесть монет, включая и экземпляр Толстых без гуртовой надписи, Георгий Михайлович отметил, что только последний „вполне закончен, т. е. все неровности края сглажены подпилком, но зато гурт у этого экземпляра гладкий, тогда как 5 экземпляров, которые хранились в Министерстве финансов, не вполне закончены: у них края неровные, на них отпечатана гуртовая надпись, чуть, впрочем, заметная“.

Монеты Трубецкого не вызывали никакого доверия автора: „Существует еще брошюра о константиновских рублях, написанная князем Трубецким в Марселе в 1873 г. и прибавление к ней, .. но они не заслуживают серьезного внимания. Один из рублей... находится ныне в Эрмитаже; у него обе стороны совсем другие, чем у настоящих, и можно с уверенностью предположить, что штемпели для этих поддельных рублей были кем-то скопированы за границей, вероятно, по гальванопластическому снимку с рубля из собрания Шуберта (ныне экземпляр графов Толстых)... Таким образом можно считать констатированным тот факт, что константиновских рублей было чеканено всего шесть, из которых пять хранилось... в Министерстве финансов, а шестой находился в собрании Шуберта... Таким образом, засвидетельствованное несколькими лицами утверждение графа Канкрина, что чеканено было всего шесть экземпляров, .. вполне подтвердилось и все экземпляры, кроме поименованных, .. которые когда-либо появятся, должны считаться или поддельными, или чеканенными уже после того, как были открыты в 1879 г. подлинные штемпели”.

Историю шубертовской монеты Георгий Михайлович назвал басней, считая, как и Трубецкой, что Шуберт получил свой экземпляр от Рейхеля. К сожалению, читатель остается в некотором недоумении относительно состояния толстовской монеты: в отличие от всех остальных она „вполне закончена“, но зачем-то упомянут подпилок. Во всяком случае ясно, что на ней заусениц не было.

В 1890 г., год спустя после смерти А. В. Трубецкого, вышел очередной том Корпуса — монеты Николая I. Особый раздел в нем посвящен рублю Константина. Здесь снова повторена статья Кобеко и приведены сведения о распределении найденных монет.

Штемпели рубля Константина 1825 г.

Dies for the Constantine rouble

Вместе с собственным экземпляром издатель воспроизвел и описал слепки с двух пар незаконченных штемпелей Эрмитажа и рубль Трубецкого. На этот раз об этой монете говорилось еще определеннее: ее чеканили в Париже по заказу Трубецкого...¹

В 1886 г. парижской подделки у Георгия Михайловича не было — он ссылался на имевшийся в Эрмитаже экземпляр; но в 1890 г. она описана как собственная монета собирателя (экземпляры, заимствованные из чужих коллекций, помечались в корпусе звездочками). Таким образом, между 1886 и 1890 гг. второй и, если верить Трубецкому, последний экземп-

¹ В. кн. Георгий Михайлович. Монеты царствования имп. Николая I. СПб., 1890, стр. XII и 261—262.

Свинцовые оттиски, сделанные Рейхелем в процессе работы над штемпелями рубля Константина.

Tin imprints made by Reichel when working on dies

ляр парижского рубля получил нового хозяина.

Все три пары штемпелей Министерство финансов передало в Эрмитаж в 1884 г., по-видимому, даже без ходатайства с его стороны. Это было разумное, по правде сказать, решение. Необходимость держать штемпели в министерстве отпала и от них теперь было одно беспокойство: легко представить себе, как осаждали министра и других чиновников высокопоставленные собиратели, мечтавшие положить в свои коллекции „новодел“ константиновского рубля! Ведь на их стороне было даже право: запрещение заказывать новоделы последовало только в 1890 г. Вернуть же штемпели для хранения на Монетный двор было рискованно; никакие запреты не уберегли бы от тайной чеканки. Эрмитаж в этом отношении был надежней.

С того времени штемпели ни разу не выходили за стены Эрмитажа — до 1941 г., когда вместе со всем

собранием были вывезены в эвакуацию. Возможность их использования для чеканки после 1884 г. исключается полностью. Только одна пара вполне закончена, закалена, имеет полированные фоны и даже правильно нанесенные постановочные метки и даже крепления в прессе. Этой парой и отчеканены все 6 подлинных монет. Наибольшее количество оловянных оттисков относится к ней. С обоими штемпелями безупречно совмещается всеми выступающими частями и поверхностью фона экземпляр Эрмитажа — лучшая мера и гарантия подлинности. Вторая пара почти закончена, но не закалена, а на поверхности фона герба даже заметны не убранные следы нанесенной гравером сетки. Обратная сторона легко опознается по особой, „стриженной“ форме хвоста орла. Третья пара только начата, с портретом без надписи и едва намеченным гербом.

Какова же была судьба шести подлинных монет? В 1879—1880 гг. разбрелись в разные стороны 5 монет, хранившиеся более 50 лет в секретном архиве Министерства финансов: одна поступила в Эрмитаж, другая — в Зимний дворец, а три достались родственникам царя — великим князьям Георгию Михайловичу и Сергею Александровичу и брату царицы принцу Александру Гессенскому.

Нет никаких неясностей в истории первых двух монет. В Эрмитаже узнали о находке поздно. Только 6 июля 1879 г. директор музея А. А. Васильчиков обратился к Грейгу с письмом, в котором говорилось: „...у нас не имеется в подлиннике известного константиновского рубля, а только оловянный отпечаток, а также подделанный в Париже серебряный экземпляр“. Не зная, что монеты уже у царя и что одну из

них получил Георгий Михайлович, Васильчиков про-
значится в каталоге, заново составленном около 1912—
1914 гг. и лежит в коллекции. Вес его — 20,63 г. Гурто-
вая надпись едва заметна; грубые заусеницы поды-
маются над кромкой на обеих сторонах.

Оставшаяся у Александра II монета была вписана
в каталог его личной коллекции², которая после
смерти царя хранилась в библиотеке Зимнего дворца.
Рубль отмечен как наличный при проверке 1908 г.
В 1927 г. вместе с другими монетами и медалями он
был передан в отдел нумизматики Эрмитажа, а
в 1930 г. его получил на постоянное хранение Госу-
дарственный Исторический музей в Москве, где мо-
нета находится и поныне. Вес ее — 20,55 г. Для царя
в свое время выбрали лучший экземпляр, почти без
заусениц.

У Александра Гессенского полученная в начале
1880 г. монета оставалась до смерти (8 декабря 1888 г.)
и была описана в его труде „Нумизматико-генеалогиче-
ские серии“, опубликованном в 1889 г.³ В разделе,
озаглавленном „Голштейн-Романов“, содержится сле-
дующее описание: „Константин I Павлович, импера-
тор 1825 г. Рубль 1825 г. с головой и орлом. Один из
5 пробных рублей, которые были отчеканены после
смерти Александра I и посланы в Варшаву к великому
князю Константину, прежде чем получило извест-
ность его отречение от престола. Дар императора
Александра II принцу Александру Гессенскому
в 1880 г.“ Вес монеты не указан и изображения ее нет.

¹ Архив Эрмитажа, ф. 1, оп. 5, 1879, № 8, лл. 18, 22.

² Catalogue du cabinet des monnaies de S. A. I. monseigneur le
césarevitch Grand duc ericier. Рукопись в Эрмитаже.

³ Münzkabinet des Prinzen Alexander von Hessen. Numisma-
tisch-genealogische Serien. S. 1., 1889, S. 209.

В том же 1889 г. началась распродажа библиотеки и монет, оставшихся после передачи собрания гессенских монет и медалей музею согласно завещанию покойного. Она была поручена известной франкфуртской фирме Л. & Л. Гамбургер. 4-го октября продавались библиотека и „известное количество по большей части выдающихся монет всех времен“¹. Каталог этой продажи не опубликован и сведения о ней сохранила лишь журнальная хроника. К следующему аукциону, происходившему 29 октября, были изданы 2 выпуска, включающие лишь монеты „майнцакого кабинета“, еще некоторые другие группы и дублиеты гессенских монет². В предисловии к первому выпуску указано, что продаются монеты, входившие в коллекцию до 1882 г. и что каталог на позднейшие поступления составляется; однако он остается неизвестным и, по-видимому, напечатан не был.

Хотя и не удалось узнать, какова была участь константиновского рубля во время распродажи монет Александра Гессенского в 1889 г., мы снова встречаемся с этим экземпляром через 25 лет. На аукционе, проведенном фирмой наследников Е. Мерцбахер в Мюнхене 7 января 1914 г., продавался рубль Константина с гуртовой надписью. В примечании к описанию монеты указано: „Экземпляр происходит из имущества принца Александра Гессенского. Это устанавливается по написанной самим принцем этикетке, на обратной стороне которой он пометил: „Один из пяти подлинных рублей, которые были отчеканены в 1825 г., прежде чем отречение Константина стало

¹ „Blätter für Münzfreunde“, 1889, n° 9, S. 57.

² Catalog des Mainzischen Münzcabinets weiland S. G. H. des D. H. Prinzen Alexander von Hessen... nebst den Stadt Erfurter Münzen und den Dubletten Seiner Hessischen Sammlung. F. a M., L. & L. Hamburger, 1889; Catalog einer gewählten reichhaltigen Sammlung ...des sel. Prinzen Alexander von Hessen. F. a M., 1889.

известно. Подарок царя Александра II, 18 февраля 1880 г." На аукционе собрания графа Толстого проходил экземпляр без гуртовой надписи, за который было уплачено 11250 марок"¹. Характер изложения позволяет догадываться, что монета пришла на аукцион, побывав в чьих-то руках после А. Гессенского. Вес монеты и теперь обозначен не был. По сообщению д-ра Б. Пейса, монета была продана за 14325 марок.

В одной из сохранившихся в Эрмитаже записных книжек А. А. Ильина есть заметки о константиновском рубле — набросок неосуществленной статьи (см. приложение, стр. 101). Там записано, что „рубель из собрания Александра Гессенского был на аукционе во Франкфурте-на-Майне у Гессе и продан одному любителю в Сев. американские соединенные штаты, в г. Чикаго". Однако, в принадлежащей д-ру Буссо Пейсу (Франкфурт) картотеке редких монет, прошедших через аукционы фирмы Хесса за все годы ее существования, рубль Александра Гессенского не отмечен, тогда как проданная фирмой в 1913 г. монета И. И. Толстого упомянута, и именно ее-то и купил собиратель из Чикаго В. Бранд! И все-таки А. А. Ильин был прав в основном, допустив ошибку только в названии фирмы: он имел в виду мюнхенский аукцион 1914 г., на котором рубль Александра Гессенского был куплен тем же самым Брандом, ставшим, таким образом, владельцем двух константиновских рублей!

Не имевший семьи и не оставивший завещания Виржил М. Бранд умер в 1926 г.²; его коллекцию унаследовали старший и младший братья, которые и поделили ее между собою. В начале 1963 г. умер младший — Орас (Horace) Бранд и хранившаяся мно-

¹ Münzen und Medaillen aller Länder aus verschiedenen Besitz. Dr. E. Merzbacher Nachf. München, 7 Januar 1914 u. folgende Tage. N. 337, Taf. 6.

² „The Numismatist“, August 1926, p. 449, 439—440.

гие годы в банковском сейфе его коллекция недавно пущена в продажу... Д-р Л. Форрер (Лондон) и г. М. И. ван дер Форт (Амстердам), которым мы обязаны этими сведениями, сообщили, что рубль О. Бранда осенью 1964 г. будет продаваться на аукционе в Люцерне¹.

Коллекция великого князя Георгия Михайловича, которому в 1879 г. досталась четвертая по нашему счету монета, как известно, была передана им в 1909 г. для вечного хранения в Музей Александра III (ныне Государственный Русский музей), причем предусматривалось, что Георгий Михайлович пожизненно останется распорядителем коллекции, а после его смерти не должно производиться никаких изменений, т. е. ни отчуждений монет, ни каких-либо пополнений. В 1918 г., когда великий князь уже находился под арестом, эвакуированная в годы войны из Петрограда коллекция была выкрадена и вывезена за границу, одно время, кажется, находилась в Югославии и в конце концов поступила в распоряжение вдовы собирателя. Еще в 1939 г. была подготовлена распродажа золотых и платиновых монет и медалей², но вспыхнувшая мировая война помешала аукциону. Он состоялся — уже в пользу дочерей бывшего владельца — в 1950 г. в Лондоне. На продажу были поставлены те же предметы, которые вошли в каталог 1939 г.³ Можно отметить, что за последние годы в му-

¹ Europäische Münzen. Auktion 27 am 14., 15 und 16. Oktober 1964 in Luzern. A. Hess AG Luzern, Bank Leu & Co AG Zürich, n° 1568, Taf. LXII. Вес монеты 20,61 г.

² Goldmünzen und Goldmedaillen aus der Sammlung des Großfürsten Georg Michailovitsch von Russland. Luzern, Adolf Hess AG, 25/10, 1939.

³ Gold and platinum coins and medallions from the important collection of the Grand duke Georg Michailovitch of Russia, On Monday Juli 3 1950 and following day. Christie, Manson & Woods.

зях СССР обнаружено несколько редких и одна уникальная монета этой коллекции, поступавшие из государственных хранилищ, начиная с 1930-х гг. Таким образом, устанавливается, что какая-то часть монет в свое время вывезена не была.

Оставшаяся после лондонского аукциона часть коллекции — серебряные и медные монеты и медали, а также золото и платина, не проданные в 1950 г., — попала в Соединенные Штаты и стремительно пройдя через несколько рук, была приобретена торговцем монетами Сол Капланом из Цинциннати, а у него куплена В. Г. дю Понтом и в 1959—1960 гг. передана им Национальному музею США — Смитсоновскому институту.¹ Перед последней перепродажей в Цинциннати была устроена выставка золотых и платиновых монет „Михайловича“ — как американские нумизматы привыкли называть великого князя. Звучала русская музыка, гостям были предложены водка и икра, а охрана выставки — „от происков большевистских агентов“, как сообщала эмигрантская печать, — была выряжена в казачьи бешметы с газырями...²

В числе подаренных Смитсоновскому институту монет находится и константиновский рубль, впрочем, в 1963 г. еще оставшийся, как кажется, у дю Понта. Этот экземпляр может быть особенно легко опознан по необычно легкому весу — 18,52 г.³ Сол Каплан в 1958 г. выпустил рекламный иллюстрированный

¹ V. Clain-Stefanelli. Hall of Monetary History and Medallistic Art, Smithsonian Institution. „Museum“, vol. XV, n.° 3, 1962, p. 193; А. Долгополов. Коллекция великого князя. Сб. И. Беккиша „Нумизматические записки“, вып. 1, Сидней, 1960, стр. 22—25.

² „The Numismatist“. September 1959, p. 1108; „Numismatic Scrapbook Magazine“. August 1959, p. 2106.

³ В. кн. Георгий Михайлович. Описание и изображение... стр. 22—27.

проспект коллекции, в котором уделено внимание и рублям Константина: по словам составителя, в коллекции находятся рубль с гуртовой надписью, происходящий из Министерства финансов, и второй... „полученный от графа Толстого (!) и, как говорят, принадлежащий к числу монет, посланных Константину перед восстанием 1830 г.“ — без гуртовой надписи. (Там же назван еще „рубль, составленный из двух половинок“, — вероятно, гальвано). Как ни плохи репродукции в проспекте, можно рассмотреть, что вторая монета — рубль Трубецкого¹. Неверная информация о двух подлинных рублях Константина в коллекции „Михайловича“ со слов Каплана попала и в издающийся в Австралии на русском языке любительский нумизматический сборник².

Судьба пятой монеты, которая досталась жившему в Москве великому князю Сергею Александровичу (убит в 1906 г.), наименее ясна. К нумизматике и собиранию монет владелец причастен явно не был: в противном случае не миновать бы ему избрания почетным членом соответствующих обществ, очень ценивших высоких покровителей; проще всего ему было и расстаться со своим рублем. Методом исключения устанавливается, что только этот экземпляр мог поступить на аукцион фирмы Гамбургера в Франкфурте-на-Майне в 1898 г.³, через два десятка лет

¹ A. Kosoff. The Mikhailovitch Collection Russian Coins and Medals. Engino, California, Copyright Sol Kaplan, 1958, p. 8.

² См. А. Долгополов, ук. соч.; в том же сборнике см. статью П. Сагайдачного.

³ Sammlung schlesischer Medaillen des Herrn Georg Pniower in Breslau... Universal-Sammlung des Herrn Pettinati in Sestri, sowie eines bekannten französischen Sammlers — Antike, Mittelalter und Neuzeit — besonders reich in den Serien Osterreich, Russland, Sweiz, Elsass, Überseeische und Freimauer-Medaillen. L. & L. Hamburger, F. a M., 1898, n. 626.

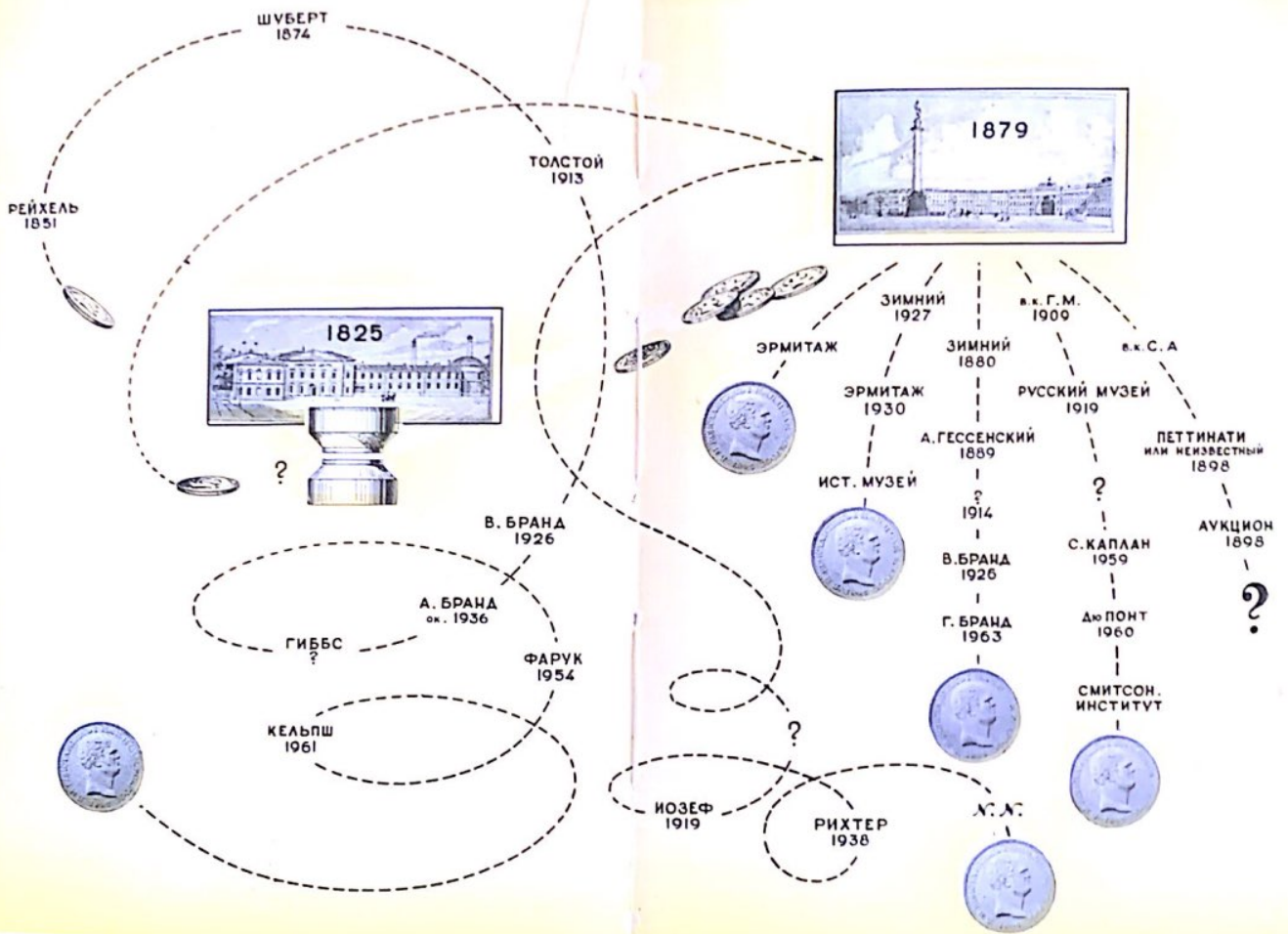
Рубль Константина. Бывший экземпляр великого князя Сергея Александровича.

Constantine rouble. Formerly in the possession of the grand duke Sergei Alexandrovitch

после того, как князь получил подарок от Александра II.

Продавались одновременно три коллекции, причем принадлежность монет двум из трех владельцев в каталоге четко не обозначена; таким образом, описанный и изображенный на таблице под № 626 несомненно подлинный рубль Константина с гуртовой надписью пришел либо от неназванного „известного французского собирателя“, либо от итальянца Петтинати. Вес монеты не обозначен, а в примечании указано: „второй известный экземпляр описанного у Шуберта под № 904 и обозначенного как уник, но в свое время отчеканенного в 6 экземплярах пробного рубля“. Как сообщил д-р Буссо Пейс, рубль был продан за 1280 марок.

Три из пяти монет с гуртовой надписью во время аукциона 1898 г. надежно лежали на своих местах — в Зимнем дворце, в Эрмитаже и у Георгия Михайловича. Мы не знаем, где находился с 1889 по 1914 г.

экземпляр Александра Гессенского. Но при нем даже в 1914 г. сохранялась записка-автограф бывшего знатного владельца, и аукционист в 1898 г., конечно, не преминул бы упомянуть о ней; между тем примечание к описанию показывает, что он даже не подозревал о существовании этой монеты. К тому же проданный в 1898 г. рубль по степени сохранности уступает всем остальным — лицевая сторона немного потерта, тогда как экземпляр А. Гессенского много позже, в 1914 г., выглядел лучше. Остается признать, что бывший экземпляр великого князя Сергея Александровича успел побывать в одной из названных выше коллекций — „известного французского собирателя“ или Петтинати — и перешел к новому владельцу в 1898 г.

Таким образом, остается неясной судьба одной монеты из пяти, имевших гуртовую надпись. История ее прослеживается кое-как только до 1898 г. Понятно, какой интерес представляют для уточнения наших сведений сообщения о рублях Константина в литературе.

В опубликованной в 1960 г. статье австралийского автора указывается, что ему известно по одной монете в США и в Италии, а третья находится в Австралии¹. Под первой, возможно, подразумевается экземпляр дю Понта — Смитсоновского института. Второй оставляет нас в недоумении, так как справки в итальянских нумизматических организациях и музеях ни к чему не привели; но третий, как выяснилось, — собственность автора публикации, который ищет для своей монеты покупателя... Нью-Йоркский собиратель г. А. Ковальский, который было заинтересовался этой монетой, рассчитывая ее приобрести, любезно прислал полученные им снимки. Они убеж-

¹ E. Szpakowski. A rare rouble. „The Numismatist“, September 1960, p. 1787—1789.

дают, во-первых, что монета не подлинная, а во-вторых, что в публикации воспроизведена не она, а по репродукции одна из подлинных. (Впоследствии и сам автор статьи сообщил, что не считает свою монету подлинной.)

История константиновского рубля, ставшего известным ранее всех других и отличающегося отсутствием гуртовой надписи, отчасти уже рассмотрена. Всего вернее, что „секретная“ монета досталась Ф. Ф. Шуберту около того времени, когда Рейхель расстался со своей русской коллекцией, т. е. в 1851 г.; ведь самому Рейхелю доводилось иногда рассказывать сказку о том, как монета попала к Шуберту...

Ф. Ф. Шуберт умер в 1865 г., и вскоре его коллекция в полном составе была предложена наследниками Эрмитажу за 30000 рублей, но в 1872 г. за недостатком средств от нее отказались¹. В 1874 г. коллекция Шуберта перешла к братьям Д. И. и И. И. Толстым². Рубль Константина, который сам Шуберт оценил в своем каталоге в 8000 франков, в толстовском экземпляре этого издания (находится в Эрмитаже) получил пометку „400 руб.“ По случаю приобретения коллекции Х. Х. Гиль опубликовал брошюру с примечаниями к каталогу Шуберта, но № 3508 остался без комментариев³. Вес монеты, указанный в каталоге, — 20,75 г.

¹ Архив Эрмитажа, ф. 1, оп. 5, 1868, № 11, л. 40 и 1872, № 12, л. 1.

² В брошюре С. Ф. Либровича (Необыкновенный рубль 1825 г., СПб., 1904; рец. — Исторический вестник, май 1909, стр. 731—732) очень живо изложен разговор, происшедший между Шубертом и И. И. Толстым в момент перехода коллекции к последнему. Эта же удивительная беседа попала и в труд И. И. Бекиша. „Примечания к истории константиновских рублей“. (Сб. И. И. Бекиша „Нумизматические записки“, Сидней, 1960, стр. 31).

³ Ch. Giel. Quelques remarques sur la collection Schubert. SPb, 1880.

В 1913 г., когда владельцем толстовской коллекции был уже один И. И. Толстой, все монеты XIX в. были проданы им на аукционе фирмы Хесса в Франкфурте-на-Майне, включая и рубль Константина, который ушел за 11250 марок.¹ В рукописи А. А. Ильина по поводу дальнейшей судьбы рубля Толстого говорится: „позже (т. е. после аукциона 1913 г.—И. С.) мы видим его в собрании Йозефа, а затем после его трагической кончины следы этого рубля пропадают“. Л. Х. Йозеф был известным петербургским собирателем, и мы еще вернемся к его монете, но утверждение А. А. Ильина — недоразумение, вызванное его уверенностью в том, что может существовать только один рубль без гуртовой надписи.

Выше указывалось, что монета Толстого в 1913 г. перешла в чикагское собрание В. М. Бранда и оставалась у него по 1962 г. При разделе коллекции между наследниками-братьями рубль Константина без гуртовой надписи достался, по-видимому, старшему — Арману Бранду. Не располагая точными сведениями о его жизни, мы знаем лишь, что он надолго пережил В. Бранда. По сведениям, полученным через д-ра П. Бергхауза (Мюнстер) от д-ра Г. Грюнталя (Американская нумизматическая ассоциация, Нью-Йорк), около 1935 г. этот рубль оказался у нового владельца — Г. Д. Гиббса в Питтсбурге (Пенсильвания); после 1935 г. монеты этого выдающегося собрания неоднократно упоминались в различных аукционных каталогах вплоть до 1960-х гг., но рубль Константина долго не залежался и, как указывают, при посредстве нью-йоркской фирмы Г. Шульмана перешел в собственность египетского короля Фарука.

¹ A. Hess Nachf. Russische Münzen des 19. Jahrhunderts. Sammlung Graf J. J. Tolstoi, F. a M., 1913, n°. 987; „Frankfurter Münzeitung“, n. 149, 1913, S. 78.

В 1954 г. правительство республики продало коллекцию бывшего короля. Аукцион, по-видимому, готовился в большой спешке, и многие монеты были объединены в небольшие группы; в одну из них попал и рубль Константина¹. Называют оценку, которую получила эта группа, — 27 000 000 итальянских лир. При содействии все той же фирмы Шульмана монету купил проживавший в Майми Бич (Флорида) собиратель Эндрью Кельпш. Он умер в 1961 г., и доставшийся вдове рубль Константина занимал умы многих собирателей США, мечтавших положить его в свои коллекции. По всей вероятности, эта наиболее непоседливая монета уже получила нового владельца².

Мы рассмотрели историю всех шести монет, которые до последнего времени были известны, как отчеканенные в 1825 г.; но ставить точку рано: перед нами еще одна, седьмая: рубль Л. Х. Иозефа, двойник рубля Рейхеля — Шуберта — Толстого — Бранда — Гиббса — Фарука — Кельпша!

А. А. Ильин писал в 1920—1930-х гг. о монете Иозефа, которую хорошо знал и держал в руках, так же как в свое время знал он и монету своего друга И. И. Толстого — считавшийся единственным рубль Константина без гуртовой надписи. Петербургский собиратель Людвиг Христианович Иозеф (?—1919) упоминается в нескольких дореволюционных адресных книжках коллекционеров³. Живший

¹ The Palace collection of Egypt. Catalogue of the highly important and extremely valuable collection of coins and medals the property of the Republic of Egypt and now sold by order of the Gouvernement. Sotheby & co, London, 1954, n.° 2559.

² Кроме уже названных коллег-нумизматов Западной Европы и Америки, при уточнении истории этой и других монет большую помощь оказали д-р Э. Лейтхольд (Милан) и В. Г. Рихтер (Лондон).

³ См. Н. В. Белозерский. Справочная книжка для коллекционеров... СПб., 1903; П. Ф. Шумилов. Редкие монеты с основания Руси... Изд. 3, Казань, 1910.

сперва на Зверинской, а затем на Большом проспекте Петроградской стороны Иозеф был директором телефонного завода „Н. К. Гейслер и К^о“¹. В 1911 г. вместе с И. И. Толстым и А. А. Ильиным Иозеф был учредителем „Российского общества нумизматов“ — кружка избранных петербургских собирателей, едва насчитывавшего три десятка членов. И. И. Толстой был председателем этого общества, заседания часто собирались в квартире Л. Х. Иозефа.

Изданные протоколы общества охватывают лишь время с января 1914 г. по май 1916 г.;² но они позволяют сделать важный для нас вывод: в указанный период константиновского рубля у Иозефа еще не было. На редком заседании он не демонстрировал свои отборные новые приобретения, которые не только подробно перечислены в протоколах, но даже воспроизводились на таблицах, которые Иозеф заказывал за свой счет. Рубля Константина там нет; не было о нем речи даже при обсуждении в декабре 1915 г. доклада С. Н. Смирнова „О чеканке рублей Константина“!³ Можно еще добавить, что при жизни Толстого (умер в 1916 г.) недоразумение с признанием монеты Иозефа бывшим толстовским экземпляром едва ли было возможно.

Общество нумизматов, катастрофически теряя своих членов, продолжало функционировать после 1917 г., пока 5 последних членов не признали его распущенным на последнем заседании в начале 1924 г. Рассказавший об этом в своих воспоминаниях старый ленинградский собиратель Ю. В. Богданович даже упомянул — без каких-либо подробностей и даты —

¹ Адресная книга „Весь Петроград на 1916 г.“, Пг., 1916.

² Протоколы Российского общества нумизматов. Пг., вып. 1—6, 1914—1916.

³ Там же, № 2 за 1915 г. (сентябрь — декабрь), Пг., 1916.

некролог Л. Х. Иозефа, прочитанный секретарем общества Н. В. Белозерским (1858—1940) ¹.

Год смерти Л. Х. Иозефа устанавливается по письму А. А. Ильина от 21 ноября 1919 г., адресованному хранителю Исторического музея А. В. Орешникову. Ильин писал: „Делиться впечатлениями о монетах теперь, действительно, не с кем. Все могилы и могилы кругом. После Иозефа умер Иверсен, за ним туда же ушел Скроботов, а новых нумизматов пока не видно“ ². Сопоставление с другими письмами тому же лицу позволяет признать, что все три названных собирателя умерли в 1919 г.

Коллекция Иозефа досталась его вдове. Богданович упоминает нескольких ленинградских собирателей, приобретавших в течение ряда лет монеты Иозефа, а в книге поступлений Эрмитажа записаны купленные А. А. Ильиным у Л. А. Иозефа в 1924 г. небольшая коллекция польских монет и в 1928 г. американская медаль 1916 г. 23 июня 1929 г. Ильин написал А. В. Орешникову о покупке им нескольких удельных монет „первостепенного значения“ из бывшего собрания Иозефа ³. Следовательно, таким же образом и загадочный рубль Константина, появившийся у Иозефа между 1916—1919 гг., мог перейти в чью-либо коллекцию.

В начале 1962 г. один ленинградец обратился в Эрмитаж с просьбой произвести экспертизу принадлежащей ему монеты — рубля Константина без гуртовой

¹ Ю. В. Богданович писал свои воспоминания в декабре 1941 г. в блокадном Ленинграде, в 1942 г. был эвакуирован и умер в г. Свердловске. Рукопись принесена в дар Эрмитажу академиком Б. Е. Быховским.

² Гос. Исторический музей, ОПИ, ф. 136, № 22, л. 113. В. М. Иверсен и Н. А. Скроботов — видные петроградские собиратели.

³ Там же, № 23, л. 136—137.

Рубль Константина. Бывший экземпляр Л. Х. Иозефа.

Constantine rouble. Formerly in the possession of L. Ch. Joseph

надписи. Вполне идентичная по обеим сторонам эрмитажному экземпляру и имеющая то же соотношение сторон, что и все подлинные экземпляры, она безупречно совместилась обеими сторонами с штемпелями, и чеканка ее этой парой не может вызвать сомнений. Гурт без всяких следов надписи остается таким, каким вышел из вырубки; можно заметить на нем легкую выжелобленность, как результат давления штемпелей при печатании на винтовом прессе без гуртильного кольца. Нет на гурте никаких следов подпилка, усмотренных Георгием Михайловичем на толстовском экземпляре (по правде сказать, сомнительно, что они там имеются: при чеканке без кольца заусеницам неоткуда взяться). Вес монеты — 20,55 г.

По словам владельца монеты, она сохранилась в числе нескольких после умершего в 1938 г. деда его жены — Федора Федоровича Рихтера, у которого в свое время была хорошая коллекция русских монет.

В адресной книге 1916 г. назван Ф. Ф. Рихтер, живший на Третьей Рождественской улице и служивший лению или руководящему составу общества он не принадлежал, так как в юбилейном издании 1914 г. не назван.¹ Имя его как собирателя сохранилось в книге поступлений отдела нумизматики Эрмитажа: 29 декабря 1930 г. А. А. Ильин принял от него в дар несколько восточных и русских монет, не подозревая, что разговаривает с владельцем так интересовавшего его иозефовского рубля! Судя по полностью вписаным в книгу имени и отчеству, Рихтер был знакомым Ильина.

Так нашелся бесследно исчезнувший после смерти Л. Х. Иозефа рубль Константина. Но это не монета И. И. Толстого, как думал А. А. Ильин, а ее двойник, седьмой и пока что последний экземпляр рубля Константина, отчеканенный подлинными штемпелями. Общность монеты с толстовской (отсутствие гуртовой надписи) вызывает соблазн назвать ее „второй рейхелевской“. В самом деле, если Рейхель сумел в 1825 г. обеспечить для себя экземпляр, почему ему было не оттиснуть еще один или даже несколько? Тому же Канкрину Рейхель вполне мог принести напоказ первую пробу штемпелей в серебре!

Обсуждая загадку этого экземпляра, следует прежде всего учитывать полную безвестность его в течение такого длительного периода — после опубликования шубертовской монеты и, в особенности, после „разоблачений“ 1879 г., когда, казалось бы, не остава-

¹ См. Исторический очерк пятидесятилетия деятельности С.-Петербургского общества взаимного кредита, 1864—1914. СПб., 1914. У владельца рубля сохранилась юбилейная медаль общества с выгравированным именем Ф. Ф. Рихтера.

лось уже никаких причин таиться. Монета, между тем, судя по ее состоянию, находилась не у случайных владельцев, не знавших ей цены. Если бы она, как и рейхелевская, ушла в частные руки еще в 1825 г., мы имели бы все основания искать упоминания о ней значительно более ранние. Следовательно, и столь затяжная „конспирация“ может иметь свои достаточно веские причины.

Теперь следует обратить внимание на одну особенность находки 1879 г.—не очень бросающуюся в глаза, но примечательную: в ставших известными документах скрупулезно перечислены штемпели, оттиски и даже авторский рисунок-проект, т. е. все, что находилось в запечатанном ящике и в запечатанном же пакете с документами; здесь мы можем достаточно обоснованно проследить судьбу каждого предмета, вплоть до пары оттисков, оказавшихся еще около 1874 г. у А. Ф. Бычкова (предшественника Д. Ф. Кобеко по работе в Публичной библиотеке). Но совсем иначе обстоит дело с монетами: остается даже неизвестным, был ли опечатан сверток с ними! Первоначальное количество их не подтверждено никакими записями и полностью остается на совести лица, впервые назвавшего его.

После того как о пяти найденных монетах первым упомянул не слишком точно информированный Кене, вполне ответственно назвал это количество в 1880 г. Д. Ф. Кобеко. Нельзя отклонить полностью предположение, что из свертка, обнаруженного, вероятно, одновременно с ящиком в конце 1860-х гг., что-то могло уйти—как ушли оттиски. В таком случае наша монета может быть признана подлинником, как и все остальные.

Обсудим еще одну возможность появления иозефовской монеты. Гладкий гурт сам по себе мог бы служить признаком новодела: гуртильные кольца старых

размеров на Монетном дворе не сохранялись. Между 1879—1884 гг. „рассекреченные“ штемпели оставались в министерстве. Судя по тому, что в течение многих минувших десятилетий ни один заведомый новодел или хотя бы сомнительная по происхождению монета не объявлялись, даже самые влиятельные коллекционеры Петербурга были бессильны. Но если бы среди высшей администрации самого министерства оказался крепко заинтересованный человек, возможность тайного изготовления новодела вынесенными на время штемпелями исключить нельзя. Следует только иметь в виду, что при таком позднем изготовлении подобрать кружок давно оставленного стандарта 1825 г. было бы не так просто.

Разумеется, в любом случае, т. е. при изъятии монеты из числа хранившихся в Архиве министерства или при изготовлении новодела, возникало положение, сходное с тем, в каком оказался в свое время Рейхель: предавать огласке такое приобретение было бы неудобным. У Йозефа его константиновский рубль оказался около 1918 г., а это год смерти Д. Ф. Кобеко,¹ который, как указывалось, оставил пост начальника канцелярии министра финансов в 1879 г. Он имел некоторое отношение к хранению штемпелей и монет; об интересе его к константиновскому рублю говорит публикация 1880 г. События конца XVIII—начала XIX в. вообще серьезно занимали Д. Ф. Кобеко как историка.²

Во всяком случае, до каких-либо новых счастливых находок „лишний“ рубль Йозефа — Рихтера будет оставаться загадкой.

¹ Русский исторический журнал, № 7, Пг., 1924, стр. 236 (20 марта 1918 г.).

² См. Д. Ф. Кобеко. Цесаревич Павел Петрович, изд. 3, СПб., 1897.

Остается проследить судьбу экземпляров рубля Трубецкого. Пять поддельных монет появились в Париже в конце 1860-х гг., когда легенда об отправке образцовых монет в Варшаву пользовалась полным доверием. Кажется странным, что на рынок было выброшено пять подделок, а не три; но источником информации для Трубецкого могла быть и не статья Кене: ведь сам Канкрин рассказывал кузену Трубецкого С. Г. Строганову об отсылке в Варшаву пяти рублевиков, да и Сабурову ничего не стоило соврать все, что угодно.

Сколько монет было отчеканено в действительности парижскими штемпелями, остается неизвестным, как неизвестна и судьба самих штемпелей. Думается лишь, что заметавшему следы Трубецкому следовало бы утопить их по-настоящему и еще глубже, чем злополучный корабль с монетами. Во всяком случае, рубль Трубецкого — большая редкость. Если подлинный в течение последней четверти XIX — начале XX в. несколько раз промелькнул на таблицах аукционных каталогов, то рубль Трубецкого на них не встречен ни разу.

Не так уж важно, был ли Трубецкой участником и даже инициатором мистификации или только ее первой жертвой и невольным орудием. Но не поддающиеся проверке ссылки на Жиро и Вебстера и удивительно „своевременная“ гибель монет вместе с „Городом Бостоном“ внушают сильные подозрения; количество же сохранившихся рублей Трубецкого находится в противоречии с его рассказом!

Экземпляр Эрмитажа (вес 20,23 г) — единственный в музеях СССР. Второй, как говорилось уже, после 1886 г. появился в коллекции великого князя Георгия Михайловича и ныне находится в США. Казалось бы, достаточно! Но был еще один. А. А. Ильин не случайно вписал рубль Трубецкого в эрмитажный ката-

лог как подлинную монету: странным образом опытный нумизмат не увидел ясных еще для Иверсена в 1874 г. отличий и был убежден, что рубли, подлинный и Трубецкого, отчеканены одним штемпелем оборотной стороны. Ильин считал, что и Шуберт и Трубецкой получили свои монеты вполне законным способом на Петербургском монетном дворе как новоделы... Записав, что, по его мнению, таково происхождение эрмитажного экземпляра рубля Трубецкого, А. А. Ильин добавил: "...и известного мне этого рубля, бывшего в собрании Георгия Петровича Алексеева и, может быть, и других, о которых доходили слухи".

Коллекция гофмейстера двора Г. П. Алексеева известна по справочной литературе. В библиотеке академика Б. Е. Быховского имеется экземпляр первого издания „Таблиц русских монет двух последних столетий“ Х. Х. Гиля (1883 г.) с увенчанной дворянской короной буквой А на сафьяновом переплете; на сохранившейся закладке — старой газетной бандероли — напечатан адрес княгини В. Г. Урусовой, дочери Алексеева. У Алексеева, действительно, был рубль Трубецкого: он помечен на соответствующей таблице.¹ Утаенная доверенным лицом Урусовой, коллекция Алексеева несколько лет разыскивалась Государственным музейным фондом и в конце концов поступила в Эрмитаж, но сильно „обескровленная“ и без рубля Трубецкого.

О дальнейших „похождениях“ монеты рассказывают записки Ю. В. Богдановича. Перебирая в памяти имена ленинградских нумизматов-любителей, которых он знал, Богданович записал: „В коллекции

¹ Книга Х. Х. Гиля задумана как пособие для собирателей. В ней для каждой разновидности русских монет имеется кружок. Его закрашивают, если такая монета есть в коллекции.

Г. П. Алексеева был рубль Константина Павловича, происхождение которого не установлено, но который предлагался в свое время М. И. Антоновым А. А. Ильину, но был продан В настоящее время рубль считается на руках у". Среди всех упоминаемых в рукописи Богдановича фамилий ленинградских собирателей шести точкам соответствует только одна — П. М. Исаева.

В коллекции скончавшегося 31 декабря 1941 г. в осажденном Ленинграде видного собирателя Петра Михайловича Исаева был какой-то рубль Константина. Исаев очень ценил его и считал подлинным. За несколько дней до смерти собиратель показал эту монету своему ученику — тогда начинающему нумизмату В. М. Брабичу, который и вспомнил об этом при обсуждении настоящей статьи в Эрмитаже. Коллекция П. М. Исаева перешла к действительному члену Академии медицинских наук профессору В. Г. Гаршину (1887—1956). Можно ожидать, что третий рубль Трубецкого рано или поздно появится в поле зрения нумизматов.

Константиновский рубль получил известность более ста лет тому назад и вскоре превратился в своеобразный эталон нумизматической редкости. Издавна наши нумизматы-любители особенно увлекались монетами, связанными с историческими событиями особой значимости или с личностями необычной судьбы. Вероятно, поэтому в XVIII в. так ценились совсем не редкие монеты Лжедмитрия и переставшие быть редкими, благодаря множеству подделок, золотые царевны Софьи; такова же природа устойчивого увлечения рублями Иоанна Антоновича, Петра III и многими другими. Но рубль Константина, памятник времени восстания декабристов, стал редкостью из

редкостей и предметом вожделения для множества собирателей.

Сменявшие одна другую публикации, не всегда правдивые, постоянно подогревали интерес любителей и все более дезориентировали их, внушая малоосновательные надежды когда-либо заполучить рубль Константина для коллекции. После появления рублей Трубецкого, которые многими признавались подлинными, представления о количестве реально существующих монет окончательно запутались. Автор журнальной заметки 1889 г. уверял, что ему известны у разных лиц 8 константиновских рублей — не считая 7 (?), отысканных в Министерстве финансов и рублей Трубецкого¹! Относительно последних широко распространено неосновательное мнение, что они отчеканены в количестве 50 штук.

Еще больше разжигали воображение собирателей недобросовестные издатели рекламных лавочных каталогов, вроде Петрова, никогда и в глаза не видевшие константиновского рубля, но неизменно включавшие его в свои ценники — как будто такие рубли навалом лежали в лавке... Даже вполне добросовестные справочники Гиля и его соавторов константиновскому рублю дают оценку; раз есть цена, рассуждал читатель, должен быть и товар!

В обстановке постоянного ажиотажа и все более путаных представлений о степени редкости константиновского рубля антиквары, промышлявшие торговлей подделками, не могли оставаться равнодушными. На русский нумизматический рынок широко потекли „рубли Константина“. Подделка — тяжелое испытание для коллекционера, и далеко не все его выдерживают. Сколько раз приходилось встречать владельцев

¹ „Wiadomosci numismatyczno-archeologiczne“, I, 1889—1892, n.° 2, sl. 55.

поддельных нумизматических редкостей, остающихся глухими к любым доводам при обсуждении подлинности их сокровищ!

В архиве Эрмитажа сохранилась любопытная переписка хранителя отдела нумизматики А. К. Маркова с любителем из г. Городца Балахнинского уезда Нижегородской губернии Г. М. Прянишниковым, предложившим в 1908 году Эрмитажу гордость своей коллекции — рубль Константина¹. Ознакомившись с приложенным к письму эстампажем, А. К. Марков ответил, что речь идет о грубой подделке. На том бы и делу конец; однако в том же году пришла в Эрмитаж бумага от нижегородского губернатора: извещая, что Прянишникова ограбили, он просил в случае, если драгоценный рубль будет принесен, задержать его предъявителя...

После смерти в 1911 г. известного псковского собирателя Ф. М. Плюшкина, оставившего среди своих сокровищ несколько десятков тысяч монет, судьба его коллекции широко обсуждалась в печати; не обходилось при этом и без преувеличений и даже напраслины по адресу знакомившихся с коллекцией „равнодушных чиновников“ — С. Ф. Ольденбурга, хранителя Эрмитажа А. К. Маркова и других². В газетных и журнальных статьях, брошюрах, посвященных судьбе коллекции (в конце концов, приобретенной в 1914 г. государством и частью поступившей в Эрмитаж), часто упоминался рубль Константина, которым владелец особенно дорожил и гордился. „...У Плюшкина есть и такой рубль. А я знавал одного любителя, который проехал в поисках за константиновским рублем более четырех тысяч верст, совершил

¹ Архив Эрмитажа, ф. 1, оп. 5, 1908, № 18.

² Приношу благодарность А. С. Плюшкину, предоставившему для ознакомления интересный альбом с материалами, посвященными жизни и деятельности Ф. М. Плюшкина.

Русская подделка рубля Константина из бывшего собрания Ф. М. Плюшкина

Russian counterfeit of the Constantine rouble.
Formerly in the collection of F. M. Plushkin

чисто фантастическое путешествие, но рубля так-таки и не добыл: какой-то другой страстный коллекционер успел перехватить его!"¹ — писал один из биографов Ф. М. Плюшкина.

Константиновский рубль Плюшкина с 1915 г. находится в Эрмитаже; это родной брат сиднейского рубля, упомянутого выше как грубая антикварная подделка. Такой же обманый рубль Константина имеется в одной новосибирской коллекции, с которой недавно пришлось знакомиться по эстампам. Кроме плюшкинского рубля, в эрмитажной коллекции подделок есть "наградная медаль" Константина — еще более варварски изготовленный по образцу рубля кружок с припаянным ушком. В 1963 г. поступил еще один "шедевр" такого рода — рубль

¹ В. А. Алексеев. Плюшкинский музей. СПб., 1911, стр. 4—5; Он же. Ф. М. Плюшкин и его музей. Пг., 1916.

Константина, чеканенный на алюминиевом кружке!

Подделки, подобные только что упомянутым, хоть и способны обманывать неопытных или не желающих видеть обман собирателей, не могут нас особенно волновать: слишком бесхитростна эта стряпня новоявленных трубецких. Но подделки, гораздо более опасные, могут появиться. Коллекционеров Западной Европы и Америки в последнее время все больше волнует активность фальсификаторов: вооружившись новейшими техническими достижениями, они способны выбрасывать на рынок подделки, почти не отличимые от оригиналов.

В последние десятилетия заметно увеличился интерес к русским монетам зарубежных собирателей; на аукционах Западной Европы и США русские монеты не залеживаются. Не придется удивляться, если в более или менее близком будущем поползут на аукционы константиновские рубли с темным прошлым. По этой причине произведенная в настоящем очерке „паспортизация“ существующего фонда подлинных монет представляется полезной и своевременной.

ON THE TRACK OF A RARE COIN SUMMARY

Pattern rouble of 1825 with the portrait of the emperor Constantine is widely known not only among the Russian collectors but also abroad where several specimens of this rare coin slipped to at various times. Changing their owners and incessantly increasing in price, these coins have been mentioned from time to time in various auction sale catalogues. However rather voluminous literature devoted to the Constantine rouble is not infrequently lacking of a reliable data as to its history.

The factual story of the coin began on the 27th of November 1825, when the news on the death of Alexander I in Taganrog reached St. Petersburg. However, only on the 12th of December 1825 it became definitely known that the deceased emperor's brother and successor to the throne Constantine had abdicated his right to the crown. Nevertheless, during a fortnight of general confusion and perplexity the Petersburg Mint was busy, preparing pattern dies for issuing new emperor Constantine's coins. Although the minister for finance E. F. Kankrin was well aware of uncertainties around the succession to the throne, five pattern coins of rouble denomination were

struck. The coins, manufactured with new dies and old milling-rings were a rather rough finish.

Since 1797, i. e. during over two decades, the Russian coins were usually issued without emperor's portraits, and although the medallists of the Petersburg Mint repeatedly presented samples of portrait coins with the effigies of Paul I, Alexander I, and later of Nicholas I, these samples have never been sanctioned (the portrait coins appeared only after 1886). An attempt of 1825 to strike the coin with the portrait of the empreror Constantine was especially inopportune and also failed.

As Constantine became extremely unpopular among the membres of the tzarist family, the minister for finance, fearing eventual unpleasant consequences of his undertaking, ordered to cover up all the traces of the work done. Already by the 19th of December a sealed box containing three pairs of dies (one completed and tested in work, two unfinished) and 19 tin imprints of the dies, another sealed packet contained the drawings by the medallist J. Reichel and report of the Chief of the Mint E. Ellers were forwarded to the Ministry of Finance to by stowed in the secret archives, where they were buried until 1879. At the same time (1825) the archives received five pattern coins.

J. Reichel, the designer of the coin and dies, being a connoisseur and owner of a rich numismatic collection (afterwards acquired by the Hermitage) managed to strike a specimen of the coin for himself after the works had been stopped. This coin distinguished from the others by a smooth edge, as Reichel had no milling-ring at his disposal. Thus, it appeared that there were issued not five but six pattern coins, one of them devoid of the lettered edge.

Inspite of all precautions to keep secret the story about a misterious coin it leaked into the millieu of the St. Petersburg collectors. In order to avoid any undesi-

able requests the minister for finance E. F. Kankrin set a rumor that three coins had been delivered to Constantine in Warsaw and the rest of the coins and dies were destroyed. The version was more suitable for the purpose as five years later Constantine's residence, the Belvedere Palace in Warsaw, was assaulted during the uprising; and he himself died the next year (1831). J. Reichel, in agreement with Kankrin with whom he was on friendly terms, presented himself as a sole initiator of the Constantine rouble coinage.

In the 40ies — 50ies of the XIXth century the coin from the J. Reichel collection passed to the known collector general T. F. Schubert, who published it abroad in 1857 after the death of Nicholas I.

Schubert used the opportunity for claiming his specimen to be one of the coins which had been sent to Warsaw, the more so the "dramatis personae" involved, were already dead (Constantine — in 1831, Kankrin — in 1845, Ellers and Reichel — in 1856).

Only in 1857 there was published an official communiqué on the tragic events of December 1825 and among the names of courriess sent November 27 to Constantine in Warsaw that of cornet Saburov was mentioned. When in the 1850ies—1860ies this elderly courtier with the reputation of a foolich twaddler heard about the coins sent to Warsaw, he began assuring everybody that he was just the person who carried the coins to Constantine! The version about the coins delivered to Warsaw and there stolen was accepted by the public with complete confidence. For collectors there were made numerous galvanocopies from the Schubert's specimen.

In 1866, after the death of Schubert and Saburov, the curator of the Hermitage baron B. Koehne published in Berlin the story of the coin, such as it had been known and told in Petersburg. According to Koehne one of the coins stolen in Warsaw was won by a Russian general at

a game table in Homburg and after the death of the latter was purchased by Schubert. Although Koene himself fully believed the story, he finished his article with: "relata refero". The unique rouble became widely famous, but shortly there were spread news about some hitherto unknown finds.

X In 1868 prince Trubetzkoï, the Russian consul in Marseilles wrote letters to his cousin count S. G. Stroganov, baron Koehne and prince Alexander of Hessen (Darmstadt), asking them to bear a part in buying of the five Constantine roubles. According to Trubetzkoï the coins belonged to the widow of a Polish emigré who had appropriated the min 1830. Trubetzkoï supplemented his letters with protocopies of his correspondence with the trustee of the owner and with photos and castings of the coins.

Trubetzkoï's coins were struck at a high technical level. Alike the Schubert coin, which was then the only known, they had unlettered edge and differed from it only in the setting of dies. The character of figures was most typical for 1850ies — 1860ies.

A. V. Trubetzkoï, the former officer of the Chevaliers de Garde regiment, soiled his renommée by his close relationship with Dantes, the assassin of the great Russian poet A. S. Pushkin and by the rôle he played in infamous persecutions of the poet. In 1845 he retired in the rank of colonel and since 1852 abroad, disobeying the order of Nicholas I to return to Russia. He was threatened with court-martial, but the emperor died. Upon his return home Trubetzkoï reentered the military service and retired in 1857. From 1868 to 1874 he occupied the post of the Russian consul in the Mediterranean ports.

The number of coins offered for sale (five instead of three) inspired no confidence in Trubetzkoï's addressees and his proposition was met with coldness. In Petersburg

there were spread rumours that Trubetzkoï attempted to dispose of forgeries, the opinion expressed especially clear by Koehne. To save his renomée Trubetzkoï published a pamphlet in Marseilles in 1873 (in 40 issues), bringing to light his correspondence with all persons concerned; he attempted to prove that Schubert's coin was a counterfeit fabricated abroad.

According to Trubetzkoï he persuaded a certain Girault, a coin dealer and representative of "Mr. Webster, a rich American collector from Kentucky", to buy the five coins „en bloc" and to exchange two of them, while the other three, as afterwards witnessed Girault disappeared in a shipwreck of the "City of Boston" together with the luggage of Webster in January 1870. In substantiation of this story Trubetzkoï published Girault's letters on the subject. However, up to the present time all endeavours to ascertain the existence of a „rich American collector Webster from Kentucky" failed. Trubetzkoï turned over to the Hermitage one of his coins.

Supporting the version of five coins having been sent to Warsaw Trubetzkoï referred to Saburov, but the letters published by him revealed that Saburov was not firm about the exact number. Besides, the letters of Stroganov and prince of Hessen suggest that Kankrin himself told several times the phantastique story of the coins. In his letter of 1868 Stroganov mentioned the rumours about the dies of 1825 being safe and secretly kept in Petersburg.

In 1874 a known Petersburg numismatist J. Iversen published two tin imprints of original dies from the collection of A. F. Bytchkov, not referring to their provenance, and qualified the Trubetzkoï rouble as a counterfeit.

In 1878 Koehne published in the Russian journal "Vse-mirnaya Illustrazia" an anonymous article in which he repeated the data of his first publication in 1866 and

attacked Trubetzkoï, accusing him of fraud. Besides, he republished the article in "Revue Belge" in 1879, closing in with violent invectives. However, he was obliged to supply his reprints with a special note, informing the reader, that while the Journal was in print there had been discovered in the Ministry of Finance five Constantine roubles, original dies, tin imprints of the latter and some pertaining documents.

The position of Trubetzkoï was more embarrassing. Being much less informed than Koehne, the moment he had read the article in "Revue Belge" he issued in July 1879 another booklet in which he persisted on the Warsaw version of five coins and on the destruction of dies and declared the coins and dies found in the Ministry of Finance as a fabrication of a later time...

In 1880 the Petersburg collector D. F. Kobeko, who had occupied the post of the chief of Chancery at the Ministry of Finance until 1879 and who undoubtedly had a reliable information at his disposal, published the finds from the Archives of the Ministry as well as the contents of the documents of 1825, thus ascertaining the authenticity of the dies and coins in question.

x In June 1879 Alexander II requested the coins from the Ministry. One piece he kept for himself, another donated to the Hermitage and gave the other three to the grand dukes Georgii Mikhailovitch and Sergei Alexandrovitch and to prince Alexander of Hessen. The dies remained in the Ministry until 1884 when they were transferred to the Hermitage. The 17 tin imprints and drawings by Reichel entered the Hermitage only in 1917.

The further fate of the coins was as follows. The Hermitage specimen remains in situ. The Alexander II coin incorporated the Hermitage collection only in 1927 from the former imperial palace; since 1930 it has been housed at the State Historical Museum in Moscow. This specimen is the best as to its quality and execution.

Prince Alexander of Hessen received his coin in 1880. It was published in his "Numismatic — Genealogic series" of 1889. In 1914 it was sold at the Mertzbacher auction in Munich for the price of 14.350 Mk. and it was bought by Virgil M. Brand, a collector from Chicago who at that time had another specimen of the Constantine rouble bought a year before (this piece will be mentioned later on). After the death of the owner (1926) this piece passed to his younger brother Horace Brand who died in 1963. It has recently become known that in the autumn of 1964 the rouble of H. Brand with a lettered edge is to be sold at the auction in Luzerne.

The grand duke Georgii Mikhailovitch got his coin in June 1879 and published it for the first time in 1886; for the second time — in 1890 in the Corpus of coins issued under Nicholas I.

Simultaneously with the genuine coin there were published imprints of the unfinished dies and the Trubetzkoï rouble which he had acquired after 1886. In 1909 the grand duke Georgii Mikhailovitch donated his numismatic collection to the Museum of Alexander III (at present the State Russian Museum). In 1917 during the World War I, the collection was evacuated to Moscow for the sake of safety and about 1918 it was stolen and illegally transferred abroad and came into the collector's widow ownership. In 1950 a part of gold and platinum coins and medals from the collection (which had been catalogued for the sale already in 1939) were sold at the Christie auction sale, the rest of the collection was brought to USA and, after passing through several hands, recently entered the Smithsonian Institution, where apparently both the Constantine roubles (the genuine and Trubetzkoï's specimens) will be housed.

A piece with a lettered edge which was sold in 1898 by the firm Hamburger in Frankfurt for 1280 Mk. and which previously had been in the collection of either a

"known French collector" or Pettinati, should be identified using the method of exclusion, as the coin belonging to the grand duke Sergei Alexandrovitch. The further fate of this coin is unknown.

It may be assumed that the information relating to the genuine Constantine rouble in the possession of Mr. Shpakovsky (Sydney) which recently appeared in the relevant literature is unreliable. The specimen in question is crudely struck counterfeit. A similar specimen is in the Hermitage collection of counterfeits and can be met with in many Russian collections (the illustration to Shpakovsky's paper represents a quite different genuine coin).

As we have already said the only authentic Constantine rouble extant and devoid inscription on the edge passed from Reichel to general Schubert. After his death in 1865 the whole Schubert's collection, Constantine rouble estimated at 400 roubles including was purchased by brothers D. and I. Tolstois. In 1913 I. Tolstoi sold all the coins of the XIX century at the Hess auction sale. The Constantine rouble was bought by the above mentioned V. Brand for 11.250 Mk. After Brands death in 1926 the coin passed to his older brother Armand Brand and after that to G. Gibbs from Pittsburgh (Pennsylvania) and later it appeared in the collection of the king of Egypt Faruk. In 1954 the government of the Egyptian Republic sold the collection at the Sotheby sale and the coin was purchased by A. Kelpsh from Miami Beach (Florida) who died in 1961. The further fate of the coin is as yet unknown.

Such are the available data concerning six authentic coins of 1825. However in 1962 there was presented to the Hermitage another specimen of a smooth-edged Constantine coin for attribution. The coin irreproachably matched to the dies, leaving no doubt of its having been struck with their help. As it was found out this coin be-

came known for the first time between 1917—1919, i. e. after the death of I. Tolstoi (1916), when it was in the collection of the Petersburg collector L. Ch. Joseph. The Hermitage curator A. A. Jlyin, who was well familiar with the Tolstoi collection, identified the coin as the Constantine rouble from the above collection, being unable to explain how it returned to Russia. When Joseph died in 1919 his widow disposed of the coins at various times. Probably T. F. Richter (died in 1938) — the grandfather of the wife of the present owner — bought the rouble directly from her.

It is difficult to explain why such a rare coin, granted it had been struck in 1825, remained unknown after Schubert's publication in 1857 or after 1879 when the Constantine rouble elicited such a great interest. It may be assumed that the coin was also struck by Reichel — probably for showing the Minister for Finance Kankrin who not being a collector himself could add it to the 5 pieces placed to the Archives of the Ministry in 1825. It should be pointed out that among the documents kept with dies and other things the number of the coins placed to the Archives was nowhere mentioned. For some time the above mentioned D. F. Kobeko, a serious connoisseur, was a custodian of coins in the Ministry. He died in 1918, i. e. about the time when the coin appeared in the Joseph's collection.

Koehne, and after him several other authors, asserted that Trubetzkoï roubles were fabricated in a large number and even pointed to 50 as a possible figure. However this coin, contrary to the genuine Constantine rouble, has been never encountered in the auction sale catalogues. As a matter of fact, it is a great rarity. The specimen received from Trubetzkoï is housed at the Hermitage, the second one, which appeared in the collection of the grand duke Georgii Mikhailovitch after 1886, is at present at the Smithsonian Institution. Trubet-

zkoi, who died in 1889, insisted on the factual existence of only two coins, the other three having been buried at the bottom of the ocean. However, prior to 1917, there came to light one more Trubetzkoï rouble from the collection of the hofmeister G. P. Alexeev. After the revolution of 1917 this coin was in the hands of the Leningrad collector M. L. Antonov and from him passed to P. I. Isayev. The latter died of starvation on the 31 of December 1941 during the Leningrad blockade. Just before his death he showed the coin, (which he took for the genuine Constantine rouble), to one of his pupils, who is still living in Leningrad. There are all reasons to believe that the coin remained in Leningrad and sooner or later will show itself. One may expect that the loss of three other coins was a pure invention of Trubetzkoï and that at least two more specimens have survived.

Concise notes on the Constantine rouble by A. A. Ilyin (1858—1942) are supplemented to the present paper.

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. А. ИЛЬИН

РУБЛЬ КОНСТАНТИНА

Рубль Константина Павловича с момента своего появления был загадкой, редкостью и возбуждал интерес не только среди нумизматов.

Константин Павлович родился весной 1779 г. . . В 1822 г. он актом от 14 января отрекся от престола в пользу младшего брата Николая. Несомненно, это решение в императорской семье было принято намного раньше, что доказывается односторонней плакеткой, находящейся в Эрмитаже, где Николай именуется цесаревичем.

Акт 22 года был совершен в тайне и таковым оставался до смерти Александра I, и Константин был провозглашен императором, что и привело к изготовлению рубля и ряда гравюр и литографий. Константин умер от холеры в июне 1831 г.

Почти одновременно появились два рубля Константина, один у Шуберта, другой у Трубецкого; между собой они имели мало общего. Работа в особенности лицевой стороны совсем иной фактуры. Шуберт дважды издал этот рубль. . .

Затем этот рубль после смерти Шуберта. . . приобретен И. И. Толстым. В 1913 г. собрание монет XIX в. было продано И. И. Толстым во Франкфурте-на-Майне у Гессе с аукциона, и рубль Константина прошел на нем за 11 250 марок. Позже мы видим его в собрании Йозефа, а затем после его трагической кончины следы этого рубля пропадают. Другой рубль — Трубецкого — также имеет свою историю, которая описана в его книге. . . Его рассказ сводится к тому, что министр финансов Е. Ф. Канкрин отправил несколько экземпляров этого рубля к цесаревичу Константину Павловичу в Варшаву; что великий князь оставил эти рубли у себя; что они были похищены из Бельведерского дворца во время мятежа 1830 г. и проданы за границу. Трубецкой отдал свой экземпляр Эрмитажу.

Бывший директор канцелярии Министерства финансов Д. Ф. Кобеко дает подробные сведения об истории константиновского

рубля ... Георгий Михайлович целиком повторил эту статью, прибавив только, что пять экземпляров рубля ... император распределил следующим образом... Рубль Трубецкого Георгий Михайлович считал поддельным, чеканенным за границей в Париже, но оснований к этому не приводит.

Рубль Константина из собственного собрания императора ... был переуступлен в нумизматическое собрание ... Исторического музея, так как там такового не было. Это заставляет предположить, что рубль Константина, находившийся в собрании Сергея Александровича, утрачен. Рубль Георгия Михайловича ... находится за границей. Рубль из собрания Александра Гессенского был на аукционе во Франкфурте-на-Майне у Гессе и был продан одному любителю в Сев. америк. соединенные штаты, в г. Чикаго.

...(Описание монеты по изданию в кн. Георгия Михайловича,— И. С.) ... № 681 и 682 представляют гипсовые слепки со штемпелей, причем... стороны соединены произвольно... так что смотреть на них как на рубли не приходится.

В 1917 г. через посредство С. Н. Смирнова из канцелярии Министерства финансов поступили в Эрмитаж 17 оловянных слепков, а не 19. ...К этому Смирнов приложил восемь фотоцинкографических таблиц, сброшюрованных вместе. Вверху на правом углу надпись: таблицы к книге С. Н. Смирнова. Эта книга нам неизвестна, а таблицы представляют единственный известный экземпляр. (Далее описание таблиц,— И. С.).

По архиву Эрмитажа видно, что ...поступили в Эрмитаж 6 октября 1884 года ... штемпелей рублей Константина Павловича 4 законченных и 2 незаконченных из канцелярии министра финансов, которые раньше хранились в Архиве Мин-ва финансов.

Остается выяснить в заключение тот путь, каким рубли Константина Павловича попали в частные руки. На это дает ответ № 170 инструкции того времени по управлению Монетным двором: „Каждое частное лицо имеет право заказать на СПб Монетном дворе не только любую из бывших монет, но даже целые коллекции за прошлые годы монет, вышедших давно из обращения“. Параграф этот отменен только в 1890 году по ходатайству Георгия Михайловича. Путем § 170 инструкции, по-видимому, и

воспользовался Шуберт и первоначальные владельцы рубля Трубецкого и известного мне этого рубля, бывшего в собрании Георгия Петровича Алексеева, а может быть, и других, о которых иногда ходили слухи.

Теперь приходится решить еще один вопрос — о так называемом рубле Трубецкого. Георгий Михайлович считает его поддельным, чеканенным за границей (в Париже). Внимательное рассмотрение его показывает, что обратная сторона тождественна с оборотной стороной рубля Константина. ... Георгий Михайлович говорит, что „лиц. и об. ст. очень похожи на настоящий рубль“.

Вопрос, какой рубль мог служить оригиналом для медальера, остается открытым; я думаю, что таковой и не существует, а гораздо правильнее предположить, что все известные нам рубли Константина, в том числе и рубль Трубецкого чеканены на Ленинградском (бывшем СПбургском) монетном дворе, но что штемпели (кроме существующих шести) утрачены, в том числе и штемпель лиц. ст. рубля Трубецкого.

Работа производилась со дня смерти Александра I по 19 декабря 1825 г., когда „штемпели и прочие приготовления“ были представлены Мин. фин. Канкрину и законсервированы до 1879 г.

Таблицы С. Н. Смирнова дают относительно рубля Константина Павловича некоторые сведения, которые Георгий Михайлович почему-то упустил в своей работе ... Необходимо также предположить, что у Смирнова были еще какие-то сведения, так как он думал написать целую книгу.

Внимательное рассмотрение 17 оловянных слепков дает право видеть в них небольшие варианты. Для лиц. стороны я вижу еще три. Думаю, что и все оловянные оттиски являются вариантами, но настолько незначительными, что уловить их простым глазом представляет затруднения. ... (Далее выдержка из труда Прозоровского об изготовлении оловянных отпечатков штемпелей, — И. С.).

Иван Георгиевич Спасский
ПО СЛЕДАМ ОДНОЙ РЕДКОЙ МОНЕТЫ

Редактор *Е. В. Холшевникова*
Художник *И. И. Литомин*
Художественный редактор *Ю. С. Фрейдлин*
Технический редактор *Н. А. Зубкова*
Корректор *Т. А. Зарубина*

М-56253. Подп. к печ. 30/XI 1964 г. Изд. № 1914.
Формат бум. 70×108¹/₃₂. Печ. л. 3,25. Усл. печ. л. 4,45.
Уч.-изд. л. 3,57. Тираж 10 500 экз. Зак. № 2265. Цена 32 коп.

Издательство „Советский художник“
Ленинград, Д-88, Невский пр., 28
Ленинградская тип. № 4 Главполиграфпрома Государствен-
ного комитета Совета Министров СССР по печати.
Садовая ул., 55/57